

АЛЕКС СКАЙ

СЕМЬ ПИСЕМ
ДО СВАДЬБЫ С
ЧЁРНЫМ КАНЦЛЕРОМ

Алекс Скай

Семь писем до свадьбы с Чёрным канцлером

<https://litres.ru/74554117>

Аннотация

На подушке наследной принцессы находят письмо с семью женскими именами. Пятеро из списка мертвы, одна исчезла. Седьмое имя — моё.

Под списком — настоящая подпись Кайра Эстеля, Чёрного канцлера. А под чернилами скрыто послание, написанное моей рукой: «Не верь королю. Не верь канцлеру. И что бы ни случилось — не становись его женой».

Проблема в том, что уже утром король объявляет нашу помолвку.

Фиктивную — пока следующие письма не начинают сбываться слишком точно.

Теперь мне нужно выяснить, кто заставил замолчать шесть женщин, почему будущее предупреждает меня о Кайре — и что опаснее: довериться Чёрному канцлеру или однажды действительно его полюбить.

Однотомник. ХЭ.

Содержание

Глава 1. Седьмое имя	4
Глава 2. Невеста Чёрного канцлера	76
Глава 3. Комната семнадцать	132
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Глава 1. Седьмое имя

Текст, которого не существовало, появился под моими пальцами на четвёртой минуте работы.

Я убрала руку от листа и посмотрела на него снова, хотя прекрасно знала: обычное зрение ничего не покажет. Передо мной лежал старый судебный протокол — жёлтая, неровно обрезанная бумага с выцветшими строками, тремя печатями и аккуратной подписью человека, умершего почти сто лет назад. В видимой части документа не было ничего необычного. Просьба о пересмотре права собственности, перечень свидетелей, решение королевского судьи. Скучная архивная рутина, за которую мне исправно платили и которую я по большей части любила именно за её предсказуемость.

Непредсказуемым было то, что проступило под основным текстом. Не чернила. Не затёртая приписка. Не царапины от пера. Четыре слова, оставленные таким слабым письменным следом, словно тот, кто их написал, постарался уничтожить даже память бумаги.

НЕ ОТДАВАЙТЕ ЕЙ СЕДЬМОЙ.

Я медленно провела пальцем по краю листа, не касаясь строк. След исчез. Появился снова. Это означало, что я не ошиблась.

Я работала с Королевским архивом уже девять лет и достаточно давно перестала воспринимать собственный дар

как чудо. В нашем деле чудеса обычно оказывались плохо составленными описями, неправильно проставленными датами или чьей-нибудь попыткой уничтожить неудобный договор. Бумага запоминала нажим пера, заменённое слово, выскобленную строчку. Иногда — если мне везло и повреждение было небольшим — я могла уловить то, что существовало на листе прежде.

Но этот след отличался. Он находился не под текстом. Он как будто лежал рядом с ним, занимая то же место и при этом не касаясь ни одной существующей строки. Я поднесла лампу ближе. Пламя качнулось, и тень от моей руки легла поперёк документа.

— Великолепно, Вейн, — пробормотала я себе под нос. — Именно сегодня тебе понадобилась загадка, которой здесь быть не должно.

Ответа, разумеется, не последовало. В ночной комнате расшифровки вообще редко кто отвечал, кроме старшего хранителя, а он ушёл домой несколько часов назад, оставив мне стопку бумаг и недовольное распоряжение закончить хотя бы половину к утру. Я снова коснулась протокола двумя пальцами. Дар откликнулся сразу.

Не голосом и не видением. Ничего столь удобного мне никогда не доставалось. Скорее ощущением второго слоя письма: едва заметного давления, направления штриха, остаточного следа намерения, которое когда-то заставило человека провести пером по бумаге. Я могла восстановить слово, ес-

ли от него осталось достаточно следов. Иногда — несколько слов. Редко — целую строку.

Чужое имя мой дар определить не умел. Истину — тем более. Я могла увидеть, что кто-то написал «невиновен», а затем заменил на «виновен», но почему он это сделал, приходилось выяснять обычными человеческими средствами. На этот раз человеческие средства не помогали.

В протоколе не было седьмого предмета, седьмого свидетеля, седьмой страницы или даже седьмой даты. Я быстро просмотрела документ от начала до конца, затем проверила оборот и приложения. Шесть свидетелей. Пять земельных участков. Три судебных заседания. Никакой женщины, которую можно было обозначить словом «ей». И уж точно никакого «седьмого».

Я потянулась к каталожной карточке. В этот момент за дверью раздались шаги. Я подняла голову. В ночном архиве не было ничего странного в шаге дежурного. Странно было, когда шагов становилось много. По каменному коридору шли минимум четверо.

Они не останавливались у поста хранителя и не сворачивали к лестнице. Каблуки и тяжёлые подошвы приближались прямо к комнате расшифровки. Я успела только накрыть судебный протокол чистым листом. Дверь открылась без стука.

Первым вошёл мужчина в форме дворцовой стражи. На левом плече серебром блеснул знак внутреннего караула — тот самый, который я до сих пор видела только на госу-

дарственных церемониях и однажды во время приезда наследной принцессы в архив. За ним остановились ещё трое. Слишком много для поздней проверки.

— Лиара Вейн? — Я отложила перо.

— Если вы пришли взыскать плату за ночное пользование государственными чернилами, вынуждена предупредить: бухгалтерия откроется только утром.

Мужчина даже не улыбнулся. Плохой знак.

— Вы должны пройти с нами.

— Куда?

— Во дворец.

Теперь я посмотрела на него внимательнее. Возраст около сорока, широкое лицо, коротко подстриженные волосы, форма без парадной отделки. На поясе оружие, но рука лежала не на рукояти. Он выглядел человеком, которому дали приказ доставить архивистку, а не арестовать преступницу. Пока.

— У меня рабочая смена, — сказала я.

— Она закончилась.

— Об этом знает господин Эврен? Потому что утром именно он будет объяснять Совету, почему не готов перевод договоров западных провинций.

— Господину Эврону уже сообщили.

Вот это мне не понравилось сильнее всего. Начальника архива можно было поднять ночью только по трём причинам: пожар, смерть монарха и приказ, пришедший достаточно вы-

соко, чтобы никто не посмел спросить, почему. Пожара вокруг не наблюдалось. Я закрыла каталог.

— Кто приказал меня доставить? — Стражник на мгновение задержал взгляд на моём лице.

— Наследная принцесса.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться, что я правильно услышала.

— Мирель?

Тишина, последовавшая после имени, напомнила мне, что наследных принцесс лучше называть полным титулом хотя бы в присутствии четырёх вооружённых мужчин.

— Её Высочество, — поправилась я.

— Да.

— По какому делу?

— Мне этого не сообщили.

Это могло быть правдой. Я встала, закрыла чернильницу и убрала судебный протокол в рабочую папку. Не потому, что он внезапно стал важнее дворцового приказа, а потому, что оставлять старый документ открытым возле лампы было варварством. Стражник проследил за моими движениями.

— Вы что-то нашли? — Я задержала руку на папке.

— Я каждый день что-нибудь нахожу. В этом смысл моей работы.

— Сегодня?

Теперь вопрос звучал иначе. Я встретила его взгляд.

— Ваше имя?

— Рован Тейс.

Имя я слышала. Начальник дворцовой стражи. Значит, за мной прислали не рядового офицера внутреннего караула, а человека, которому подчинялись все дворцовые посты. Стало ещё менее уютно.

— Господин Тейс, — сказала я, — если вам поручили забрать меня из архива среди ночи, значит, вы знаете больше, чем говорите.

— Если бы мне разрешили сказать больше, я бы сказал.

— Не уверена.

На его лице впервые что-то изменилось. Не улыбка, но её дальний родственник.

— Тогда, госпожа Вейн, у нас уже есть одно общее подозрение.

Я надела тёмный рабочий жакет и забрала перчатки. Протокол с невозможной строкой остался в папке на столе. У двери я обернулась. Четыре слова больше не были видны. Но я всё равно помнила их слишком хорошо.

Не отдавайте ей седьмой.

* * *

Из Королевского архива во дворец существовал крытый переход, которым обычные сотрудники почти никогда не пользовались. Я прошла по нему впервые. Рован двигался рядом, двое стражников шли позади, ещё один — впереди. Никто не объяснил, чего именно от меня опасались: побега, нападения или попытки похитить по дороге государствен-

ную стену. Я решила не спрашивать.

Когда люди стараются не разговаривать, иногда полезнее позволить им молчать. Тишина тоже сообщает многое. Например, Рован ни разу не потребовал, чтобы я отдала рабочую сумку. Значит, формально меня не считали задержанной. Но он дважды проверил, идём ли мы по пустому коридору. Значит, моё появление во дворце хотели сохранить в тайне.

Мы миновали закрытую галерею, поднялись на два этажа и прошли через маленькую приёмную, где не было ни одного слуги.

— Её Высочество ждёт здесь? — спросила я.

— Нет.

— Тогда куда мы идём?

— В её личные покои.

Я остановилась. Рован сделал ещё шаг и тоже остановился.

— Что?

— Ничего. Просто пытаюсь вспомнить, совершала ли я сегодня преступление, достаточно серьёзное, чтобы ночью оказаться в спальне наследницы престола.

— Если вспомните, сообщите.

— Непременно.

Он посмотрел на закрытую дверь впереди.

— Есть ещё одна вещь.

— Наконец-то.

— Не прикасайтесь ни к чему, пока вас не попросят.

— Я переводчик, а не карманник.

— Я знаю, что вы такое.

Фраза прозвучала не так, как должна была.

— Что именно вы знаете?

Рован открыл дверь вместо ответа. Я вошла. Первое, что я заметила, — комнату уже успели превратить в место расследования.

Постель оставалась разобранной, но покрывало было откинута так, чтобы никто случайно его не коснулся. Возле высокого окна стоял мужчина с королевским гербом на воротнике. У камина — женщина в светлом домашнем платье, поверх которого был наброшен тёмный халат.

Принцессу Мирель невозможно было перепутать с кем-либо, даже если никогда прежде не видеть её вблизи. Её портреты висели в государственных учреждениях, а лицо чеканили на памятных монетах после совершеннолетия. На портретах она казалась мягче. Вживую её взгляд был слишком внимательным для человека, которого подняли ночью.

— Госпожа Вейн, — сказала она. — Спасибо, что пришли.

— Приказ наследной принцессы обычно не оставляет большого пространства для отказа, Ваше Высочество.

Уголок её рта дрогнул.

— Именно поэтому я сказала «спасибо», а не «как любезно с вашей стороны».

Мне она понравилась немного больше, чем следовало. Потом я увидела письмо. Оно лежало на подушке. Белый лист, сложенный вдвое. Без конверта. Без печати. Но даже с расстояния в несколько шагов я заметила семь строк.

— Его нашли здесь? — спросила я.

— Я нашла, — ответила Мирель. — Когда вернулась после ужина.

— Комната была заперта?

— Да.

— Окно?

— Тоже.

— Кто имел доступ?

— Четыре служанки, два караульных, камеристка, я и сама принцесса.

— Все проверены?

— Насколько возможно за два часа.

Два часа. Значит, письмо появилось давно, а меня позвали только сейчас.

— Почему я здесь? — Мирель подошла к постели, но остановилась в шаге от неё.

— Потому что шестеро из семи человек, чьи имена там написаны, официально считаются погибшими.

Я перевела взгляд на лист.

— Когда умерли?

— Пять историй относятся к последним девяти годам. Селена Вейн погибла значительно раньше.

— Значит, это мог составить любой человек, умеющий читать старые некрологи.

— Мог, — согласился незнакомый мужчина у окна. — Если бы седьмое имя тоже принадлежало мёртвой женщине.

Я снова посмотрела на него. На нём не было формы. Только тёмный сюртук без знаков должности и узкий серебряный знак на воротнике. Но этот знак я знала. В Королевском архиве находилось достаточно документов с его печатью, чтобы узнавать символ даже в темноте. Чёрный канцлер. Кайр Эстель.

Он был выше, чем я ожидала по официальным портретам, и заметно старше людей, которыми обычно украшали дворцовые слухи. Несколько серебряных нитей у висков не пытались скрыть. Лицо было спокойным, почти бесстрастным, но не пустым: он следил за происходящим с вниманием человека, привыкшего замечать, кто первым посмотрел на дверь после неприятного вопроса.

— Чьё имя седьмое?

Он не ответил. Вместо этого подошёл к кровати и осторожно развернул лист так, чтобы я могла прочесть его, не касаясь бумаги. Почерк был строгим и ровным. Семь имён. Я начала сверху.

Элара Сейн.

Имя было знакомо смутно. Кажется, придворная переводчица.

Веста Морейн.

Член Королевской счётной палаты.

Илиса Тарн.

Судебный писарь. Четвёртой стояла Найра Келл — имя я помнила по старой архивной описи. Пятой — Иллена Тейс; фамилия ничего мне не говорила. Шестой — Селена Вейн. Её фамилия заставила меня перечитать строку, хотя имя Селена мне ничего не говорило. А затем я дошла до последней строки. В комнате никто не говорил, и это помогло: если бы кто-нибудь спросил, всё ли со мной в порядке, я, вероятно, ответила бы слишком резко.

На седьмой строке было написано:

Лиара Вейн.

Не похожее имя. Не однофамилица. Моё. Полностью.

— Давно вы знаете? — спросила я.

Голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

— Два часа, — сказала Мирель.

— А меня привезли только сейчас.

— Сначала проверили остальные имена, — пояснил Рован.

Я продолжала смотреть на строку. Лиара Вейн. Две обычные части моей личности вдруг выглядели как запись в реестре имущества, которое собирались списать.

— Все шестеро действительно мертвы?

— Пятеро — точно. Иллена Тейс исчезла семь лет назад. Тела не нашли, но официально её признали погибшей.

— При каких обстоятельствах?

— Разных.

— Это не ответ.

— Одна погибла от последствий пожара. Двое — во время несчастных случаев. Иллена исчезла, и её дело закрыли как гибель без найденного тела. Ещё двое умерли при обстоятельствах, которые официально не сочли связанными между собой.

— А неофициально? — Кайр повернулся ко мне чуть внимательнее.

— Именно поэтому вы здесь.

— Нет. Я здесь потому, что моё имя оказалось седьмым. Это не одно и то же.

— Для меня — уже одно.

В другой ситуации я бы спросила, почему канцлер считает себя вправе объединять мою возможную смерть со своим расследованием. Но сейчас было важнее другое.

— Кто составил список?

Мирель взглянула на Кайра. Рован — тоже. Мне не понравилось направление их взглядов ещё до того, как я заметила подпись. Она находилась под именами. Всего два слова.

Кайр Эстель.

Я прочитала их, затем посмотрела на канцлера. Он не отвёл глаз.

— Это ваша подпись?

— Да.

— Значит, письмо написали вы?

— Нет.

— Очень удобно.

— Убийцам вообще нравится удобство.

Произнесено это было без улыбки.

— Вы считаете автора убийцей?

— Пока я считаю автором человека, который либо знает связь между шестью смертями, либо хочет убедить нас, что такая связь существует.

— И включил меня в список.

— Да.

— С вашей подписью.

— Это вы уже установили.

Мне захотелось ответить чем-нибудь не особенно дипломатичным, но я удержалась.

— Подпись настоящая?

Рован нахмурился. Кайр же просто спросил:

— Вы можете это определить?

— Нет.

На мгновение он явно удивился. Не моему ответу — тому, что я не стала притворяться более способной, чем была.

— Тогда почему спрашиваете?

— Потому что настоящая подпись и подпись, которая выглядит настоящей, — две разные проблемы.

— Разумно.

— Вы подписываетесь так на всех документах?

— Почти.

— «Почти» опять не ответ.

— На личных письмах иначе.

Я наклонилась, не приближаясь к листу. Почерк подписи действительно походил на тот, что я видела на государственных распоряжениях.

— Мне нужно прикоснуться.

Рован сразу напрягся.

— Вы уверены?

— Нет. Обычно именно поэтому существуют специалисты.

Мирель тихо выдохнула через нос, будто сдерживая смех. Рован не оценил. Кайр подошёл ближе.

— Что вам нужно?

— Чтобы никто не двигал бумагу. И чтобы мне не задавали вопросов, пока я работаю.

— Сколько времени?

— Может быть минута. Может быть десять. Может быть, я вообще ничего не увижу.

— Тогда начинайте.

Я сняла перчатки. Бумага была прохладной, когда я коснулась края. Сначала ничего. Обычный шероховатый лист хорошего качества. Потом пришёл первый письменный след. Имена написали за один раз.

Это я поняла по ритму нажима. Перо не меняли, бумагу не убирали надолго. Человек писал последовательно, сверху вниз. Несколько раз останавливался на фамилиях, но не ис-

правлял их. След подписи отличался. Глубже. Увереннее. Я закрыла глаза. Не для дара — мне просто было легче не отвлекаться на лица вокруг. Первое имя. Второе. Третье.

На четвёртом возникла слабая помеха, будто поверх буквы прошлись чем-то гладким. Я провела пальцем чуть левее. Там ничего не было. Чуть ниже. И вдруг поверхность текста изменилась. Не физически. Под пальцами всё оставалось гладким. Но в ощущении письменного следа существовало ещё что-то.

Как в старой книге, где две страницы слиплись и ты сначала уверен, что читаешь одну, а потом замечаешь лишнюю толщину. Я задержала дыхание. Под видимыми семью строками находился другой текст. Скрытый. Не выскобленный. Не зачёркнутый. Именно скрытый. Такого я прежде не встречала.

— Лиара? — негромко позвала Мирель.

Я подняла свободную руку, прося тишины. Первая скрытая строка проступила постепенно.

Не верь королю.

Я открыла глаза. Кайр стоял совсем близко. Слишком близко для человека, чья подпись находилась под списком мёртвых женщин и моим именем. Я снова закрыла глаза. Вторая строка. След слабее. Мне пришлось переместить пальцы.

Не верь канцлеру.

Вот это уже было почти смешно. Если бы не обстоятель-

ства. Я продолжила. Третья строка проявилась хуже остальных. Несколько букв сначала слились. Я вернулась к началу, попробовала уловить направление штрихов.

И что бы ни случилось — не становись его женой.

Я убрала руку. Слишком резко. Лист едва не сдвинулся, но Кайр удержал край двумя пальцами.

— Что вы увидели? — спросил Рован.

Я смотрела на бумагу. Три строки. Предупреждение о короле. Предупреждение о канцлере. И совершенно бессмысленное предостережение против брака с женщиной, которого я впервые увидела несколько минут назад.

— Госпожа Вейн?

На этот раз говорил Кайр. Я подняла взгляд.

— Есть второй текст.

Мирель подошла ближе.

— Что в нём?

Вот теперь началась настоящая проблема. Первое правило архивной работы: документ важнее твоего отношения к нему. Второе: если государственный документ содержит угрозу короне, скрывать её — очень плохая идея. Третьего правила о том, как вести себя, если таинственный текст запрещает выходить замуж за Чёрного канцлера, у нас не существовало. Пришлось импровизировать.

— Он повреждён, — сказала я.

Это было правдой. Кайр заметил паузу.

— Но вы что-то прочитали.

— Фрагмент.

— Какой? — Я повернулась к Мирель, затем на Рована.

— «Не верь королю».

Комната изменилась неуловимо. Никто не двинулся к двери, не потянулся к оружию, не произнёс имени монарха. Но Рован сразу перестал смотреть на меня и посмотрел на Кайра. Мирель выпрямилась. Кайр остался неподвижен.

— Только это? — спросил он.

Слишком быстро. Я бы предпочла, чтобы он спросил, уверена ли я.

— Пока это самый отчётливый фрагмент.

— Вы сможете восстановить остальное?

— Возможно.

— Когда?

— Если заберу письмо в архив и буду работать в привычных условиях...

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно, но так окончательно, что даже я не стала делать вид, будто не поняла.

— Тогда можете пригласить другого специалиста.

— Такого нет, — сказал Рован.

— Простите?

— Мы проверили.

— Что именно вы проверили?

— Кто в королевстве официально зарегистрирован с даром письменного эха достаточной силы.

Термин мне не нравился, но спорить сейчас было поздно.
— И?

— Вы единственная, кто работает с государственными документами высшего допуска.

— Я не единственная, у кого есть дар.

— Но единственная, кому уже разрешено читать материалы Совета.

Это объясняло задержку в два часа. Они искали замену. Не нашли. Очень ободряюще.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда мне нужны инструменты из архива.

— Их принесут сюда.

— Не все инструменты можно перенести.

— Например?

— Мой рабочий стол.

Мирель всё-таки улыбнулась. Рован закрыл глаза на секунду. Кайр же ответил совершенно серьёзно:

— Если понадобится, принесём и стол.

Я не сразу поняла, шутит он или нет. Пожалуй, именно это было самым неприятным.

— Не понадобится.

Я снова взглянула на письмо. Скрытая третья строка будто оставалась под поверхностью, хотя без прикосновения я уже не могла её чувствовать. Не становись его женой. Зачем кому-то предупреждать меня об этом? Почему «его»? Почему предполагалось, что я вообще могу оказаться в положении,

где такой совет имеет смысл? Я перевела взгляд на Кайра.

— Вы женаты? — Рован кашлянул. Мирель отвернулась к окну. Кайр приподнял бровь.

— Нет.

— Помолвлены?

— Нет.

— Собираетесь?

— Госпожа Вейн, если это каким-то образом помогает расследованию...

— Пока не знаю.

— Тогда нет.

Я кивнула, словно получила полезную справку. На самом деле стало только хуже.

— Что ещё? — спросил он.

— Пока ничего.

Это была первая сознательная ложь за вечер. И он её заметил. Не мог знать наверняка, но заметил. Я увидела это по тому, как изменился его взгляд: не стал жёстче, не сузился театрально — просто задержался на моём лице на секунду дольше.

— Тогда вернёмся к видимому тексту, — сказал он. — Узнаёте какое-нибудь имя?

— Возможно, первое.

— Элара Сейн работала переводчицей при канцелярии прежнего короля, — сказал Кайр. — Погибла девять лет назад.

— Я встречала её записи.

— Где?

— В фонде восточных договоров.

— Остальные?

— Четвёртая фамилия знакома по архивной описи. Не помню откуда.

— А шестая? — Я опустила взгляд. Шестое имя всё ещё беспокоило меня.

Селена Вейн.

Впервые оно показалось просто совпадением. Вейн была не самой редкой фамилией в королевстве. Но теперь вопрос Кайра заставил меня перечитать строку.

— Нет, — сказала я.

— Уверены? — Я подняла голову.

— Если вы хотите что-то сообщить, сообщите. Мне не нравится, когда меня проверяют вопросами, ответы на которые уже известны собеседнику.

Мирель перевела взгляд с меня на него.

— Кайр?

— Позже.

— Нет, — сказала я.

— Госпожа Вейн...

— В списке пятеро подтверждённо погибших, одна женщина, признанная погибшей после исчезновения, и я. Под ним подпись канцлера. Под видимым текстом — предупреждение о короле. Вы вытащили меня из архива среди ночи,

а теперь канцлер спрашивает, узнаю ли я определённое имя, хотя сам явно знает ответ. «Позже» закончилось примерно полчаса назад.

Никто меня не перебил. Это было либо хорошим, либо очень плохим признаком. Кайр медленно отошёл от кровати.

— Селена Вейн была архивистом.

— Когда?

— Двадцать один год назад.

— Где?

— Здесь, во дворцовом архиве.

— И что с ней случилось?

— Она погибла.

— При каких обстоятельствах?

— Во время пожара.

В комнате вдруг стало слишком много предметов, которые я видела и при этом не замечала: тёмная резьба на спинке кровати, стекло окна, серебряная застёжка на халате принцессы. Я сосредоточилась на них, потому что имя Селены Вейн всё ещё не означало ничего. А потом означало. Не из памяти взрослой женщины. Из обрывка детства.

Имя на старой коробке. Женский голос. Чья-то ладонь, выводившая буквы на листе. Я не могла собрать воспомина- ние целиком.

— Мою мать звали Елена, — сказала я.

Кайр ничего не ответил.

— Елена Вейн.

— Да.

— Тогда при чём здесь Селена?

— Это имя она использовала при дворе.

— Нет.

Слово вышло тихим, но полноценным.

— Мне жаль.

— Не надо.

— Моя мать не работала во дворце.

— Работала.

— Она умерла от последствий пожара в доме родственни-

ков.

— Вам так сказали.

— Кто?

— Ваш отец.

Теперь я уже не пыталась сохранять вежливость.

— Вы знали моего отца?

— Нет.

— Тогда откуда вам известно, что он мне говорил?

— Из его письменных показаний.

Письменных. Это слово вернуло способность думать.

— Где они?

— В закрытом фонде.

— Почему показания моего отца находятся в закрытом фонде?

— Потому что он свидетельствовал о событиях, касавшихся безопасности короны.

— И вы читали их.

— Да.

— Когда?

— Девять лет назад.

— Почему? — Кайр посмотрел на список.

— После смерти Эллары Сейн.

Я проследила за его взглядом. Первая женщина. Девять лет назад. Пять подтверждённых смертей и одно исчезновение. Моя мать — одна из погибших, хотя я всю жизнь считала, что знала обстоятельства её гибели.

— Вы расследуете этот список девять лет?

— Не список. Связь.

— Какую?

— Пока недостаточную, чтобы называть её фактом.

— Тогда назовите подозрением.

— Все шесть женщин в разное время работали с документами, которые проходили через Королевский архив.

Я опустила глаза к письму.

— И я работаю там.

— Именно.

— Сотни людей работают или работали там.

— Но не все способны читать то, что пытались уничтожить.

Вот теперь стало по-настоящему тихо. Я снова подумала о судебном протоколе на моём столе.

Не отдавайте ей седьмой.

Семь имён здесь. Седьмое — моё. Совпадение было слишком удобным, чтобы его игнорировать. И слишком непонятным, чтобы ему доверять.

— Сегодня в архиве был ещё один документ, — сказала я. Рован сразу повернулся ко мне. Кайр спросил:

— Какой?

— Старый судебный протокол. Не связанный с этим делом, насколько я знаю.

— Что в нём?

— Скрытая строка.

Я не стала повторять, как именно она появилась. Просто произнесла:

— «Не отдавайте ей седьмой».

Мирель медленно приблизилась.

— Седьмой что?

— Не знаю.

— Кто написал?

— Не знаю.

— Когда?

— Документу почти сто лет. Но след...

Я остановилась.

— Что с ним? — спросил Кайр.

— Он не похож на обычную стёртую запись.

— Как это письмо?

— Возможно.

Он повернулся к Ровану.

— Отправьте людей в архив.

— Уже.

— Уже? — Рован коротко кивнул.

— Когда вы сказали, что сегодня что-то нашли, я послал человека проверить ваш стол.

— Без моего разрешения?

— Я могу попросить его вернуться и сделать вид, что этого не произошло.

— Не утруждайтесь.

Кайр подошёл к столу у окна, взял чистый лист и что-то быстро написал. Я заметила особенность его почерка ещё до того, как поняла, что именно рассматриваю. Подпись. Та же форма первой буквы. Тот же короткий завершающий штрих. Он положил лист рядом с письмом.

— Сравните.

Я не касалась ни одного. Визуально подписи были почти одинаковы. Не просто похожи. Одинаковы настолько, насколько вообще могут быть одинаковыми две подписи, сделанные одним человеком.

— Если это подделка, — сказала я, — автор изучал ваш почерк очень тщательно.

— Или использовал настоящий образец.

— Государственные документы с вашей подписью хранятся в архиве тысячами.

— Да.

— Тогда любой человек с достаточным доступом...

Я не закончила. Потому что поняла.

— Все шесть женщин работали с архивом.

— Да.

— Значит, доступ объединяет не только жертв. Он может объединять и автора.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы письмо покидало эту комнату.

— И поэтому вы не доверяете архиву.

— Я не доверяю системе, внутри которой уже пострадали шесть человек.

— Но доверяете мне?

— Нет.

Ответ был настолько быстрым и спокойным, что я невольно усмехнулась.

— Наконец-то что-то взаимное.

Мирель опёрлась ладонью о спинку кресла.

— Вы оба удивительно быстро нашли общий язык.

— Ваше Высочество, — сказала я, — если это общий язык, я начинаю понимать причины международных конфликтов.

На этот раз даже Рован отвернулся, скрывая выражение лица. Кайр не улыбнулся, но в его глазах появилось что-то похожее на терпение человека, которого происходящее скорее развлекает, чем раздражает.

— Вы сказали, что можете попробовать восстановить остальной скрытый текст, — напомнил он.

— Да.

— Сделайте это.

Я снова надела перчатки, затем тут же сняла их. Работать через ткань было невозможно.

— Мне понадобится время.

— Оно у вас есть.

— И тишина.

— Это сложнее, но попробуем.

Я села возле кровати так, чтобы письмо оказалось передо мной. На этот раз я знала, что искать. Первую скрытую строку я нашла быстро.

Не верь королю.

Вторую тоже.

Не верь канцлеру.

Третья потребовала больше усилий.

И что бы ни случилось — не становись его женой.

Я прочитала её внутренним зрением дважды. Потом третий раз. Формулировка не менялась. Не становись его женой. Не «не выходи замуж за канцлера». Не «не соглашайся на брак с Кайром». Именно «его». Будто автор считал, что адресат уже знает, о ком идёт речь. И адресат, судя по всему, была я. Я двинулась дальше.

Под третьей строкой оказался ещё один след. Совсем слабый. Я почти потеряла его, едва нашла. Провела пальцами к краю листа. Буква. Потом ещё одна. Не слово. Дата. Я начала разбирать цифры. Первое число совпадало с сегодняшним.

Второе... Я открыла глаза.

— Что? — спросил Рован.

— Мне нужна сегодняшняя дата полностью.

Он назвал её. Я посмотрела на лист.

— Уверены?

— В календаре? Да.

Я снова проверила скрытый след. Дата была сегодняшней.

— Этот текст написан сегодня.

Мирель нахмурилась.

— Но разве это не очевидно?

— Нет. Видимый текст — возможно. Скрытый слой мог быть нанесён раньше на бумагу, которая потом использовалась повторно. Но дата относится именно к скрытому тексту.

Кайр подошёл ближе.

— Что ещё?

— Время.

— Какое? — Я прочитала.

— Одиннадцать сорок.

Рован посмотрел на настенные часы.

— Сейчас почти полночь.

— Письмо нашли когда?

— В одиннадцать сорок семь, — сказала Мирель.

Семь минут. Скрытый текст был создан за семь минут до того, как принцесса обнаружила письмо.

— Где вы были в одиннадцать сорок? — спросила я у Кайра.

— На заседании Малого совета.

— Свидетели?

— Девять человек.

— Среди них король?

— Да.

«Не верь королю». Я снова посмотрела на скрытые строки.

— Значит, если ваша подпись настоящая, вы могли поставить её раньше.

— Мог.

— Или кто-то использовал документ, подписанный вами заранее.

— Мог.

— Вы часто подписываете пустые листы?

— Никогда.

— Умный обычай.

— Я тоже так считал до сегодняшнего вечера.

Я хотела спросить ещё кое-что, но дверь открылась. Один из стражников вошёл быстро, подошёл к Ровану и протянул ему свёрток. Мою рабочую папку.

— Нашли на столе госпожи Вейн, — сообщил он.

Рован передал её мне. Я открыла. Судебный протокол лежал внутри. Целый. Я положила его рядом с письмом, но не касалась.

— Покажите строку, — сказал Кайр.

— Она не видна обычным зрением.

— Тогда прочитайте.

Я коснулась старой бумаги. След появился.

Не отдавайте ей седьмой.

Теперь, когда рядом лежал список из семи имён, слова звучали иначе.

— Есть что-нибудь ещё? — спросил Кайр.

— Сейчас проверю.

Я медленно прошла пальцами по полям протокола. Старые исправления проявлялись привычно: заменённая фамилия, выскобленная сумма, исправленная дата. Ничего необычного. Потом у нижнего края я нашла ещё один слабый след. Он был настолько повреждён, что сначала я приняла его за случайный нажим. Три слова. Последнее не читалось. Первое удалось восстановить сразу.

Седьмая...

— Что там?

— Не мешайте.

Второе слово проступало хуже.

...увидит...

Третье оказалось фамилией. Не моей. Я провела пальцем ещё раз. Ошибка исключалась.

— Эстель.

Кайр не двинулся.

— Что именно?

— «Седьмая увидит Эстеля».

Рован выругался вполголоса, но тут же прикусил язык,

вспомнив о присутствии принцессы. Мирель смотрела на старый документ.

— Этому протоколу действительно почти сто лет?

— Да.

— И там фамилия канцлера?

— Да.

— Может быть другой Эстель?

— Может.

Кайр ответил прежде, чем я успела продолжить:

— Моя семья существует дольше этого протокола.

— Удобно, — сказала я.

— Сегодня это слово преследует нас обоих.

Я изучала его лицо. Слишком спокойно. Человек либо действительно ничего не понимал, либо умел скрывать реакцию лучше всех, кого я встречала. С учётом должности оба варианта казались правдоподобными.

— Документ случайный? — спросил Рован.

— Его принесли сегодня из закрытого хранилища на плановую расшифровку, — ответила я.

— Кто выбрал именно его?

— Не знаю. Список составлял старший хранитель.

— Имя?

— Орвин Эврен.

Рован повернулся к стражнику.

— Найдите его. Не пугайте, пока не будет причины.

— Уже поздно, — заметила я. — Четверо людей из двор-

цовой стражи у двери обычно считаются причиной.

Рован не ответил. Стражник ушёл. Я посмотрела на два документа рядом. Один старше меня почти на столетие. Второй появился сегодня. Оба содержали слово «седьмой». Оба каким-то образом указывали на Чёрного канцлера. А в одном было моё имя.

— Я хочу увидеть закрытый фонд, — сказала я.

Кайр покачал головой.

— Не сейчас.

— Вы только что сообщили, что там находятся показания моего отца и материалы о матери.

— Поэтому тем более не сейчас.

— Какая интересная логика.

— Очень простая. Если кто-то сумел проникнуть в спальню наследницы и оставить письмо, мы не знаем, какие ещё места доступны этому человеку.

— Значит, архив тоже опасен.

— Возможно.

— Тогда мои коллеги...

— Уже под охраной.

— Вы отдали распоряжение до того, как я сказала о протоколе.

— Да.

— Почему?

— Потому что ваше имя оказалось в списке.

— И вы решили защищать весь архив?

— Я решил закрыть место, где вы проводите большую часть времени.

Это было разумно. Именно поэтому меня раздражало.

— Вы давно знали обо мне?

— Что именно?

— О моей работе. О даре. О том, что я дочь женщины из списка.

Кайр не ответил сразу. Я заметила эту паузу.

— Да, — сказал он.

— Сколько?

— Девять лет.

— Всё время, пока вы расследовали смерть Эллары Сейн?

— Почти.

— И ни разу не сочли нужным поговорить со мной.

— Нет.

— Почему?

— Потому что до сегодняшнего вечера у меня не было доказательств, что вы связаны с этим делом чем-то, кроме происхождения.

— Теперь есть? — Он кивнул на письмо.

— Теперь ваше имя написали последним.

Последним. Не просто седьмым. Я посмотрела на порядок имён: шесть женщин, которых дворец считал мёртвыми, затем я.

— Они расположены по датам смерти? — Кайр замер на долю секунды. Вот оно.

— Я считал, что да. Но Селена стоит шестой, хотя её смерть старше нескольких записей над ней. Значит, либо порядок здесь другой, либо одна из архивных дат ложная.

Ответ оказался хуже простой уверенности: даже порядок списка нельзя было принять на веру.

— Значит, список не просто перечисляет жертв.

— Похоже.

— Он продолжает последовательность.

— Похоже.

— Не говорите «похоже», когда оба понимаем, что это значит.

Кайр смотрел прямо на меня.

— Это значит, что автор считает вас следующей.

Мирель тихо произнесла:

— Кайр.

— Она имеет право понимать угрозу.

— Я понимаю, — сказала я.

И это было правдой. Страх не пришёл красивой волной. Он вообще не пришёл сразу. Вместо него возникло раздражающее количество практических вопросов. Кто знает мой распорядок? Кто видел, как меня забрали? Кто имеет доступ к архиву? Почему именно сегодня? Почему письмо оказалось у принцессы, а не у меня?

И что означала скрытая фраза о браке? Я взглянула на Кайра.

— Зачем автору оставлять список у принцессы?

— Хороший вопрос.

— У вас есть ответ?

— Несколько плохих.

— Начните с самого плохого.

Он чуть повернул голову к Мирель.

— Автор хотел, чтобы письмо точно дошло до людей, которые не смогут его проигнорировать.

— Это не самое плохое.

— Тогда второе. Автор хотел втянуть наследницу в происходящее.

Мирель скрестила руки.

— Уже получилось.

— Третье, — продолжил Кайр, — письмо оставили здесь потому, что человек может попасть сюда незамеченным.

Рован мрачно посмотрел на дверь.

— Мы это уже обсуждали.

— Теперь есть подтверждение.

Я вернулась к списку.

— Или автор хотел, чтобы письмо увидели именно вы.

— Почему?

— Потому что здесь ваша подпись.

— Это очевидно.

— Нет. Очевидно, что подпись должна была привлечь внимание. Но если автор хотел обвинить вас, почему спрятал дополнительный текст, который тоже предупреждает о вас?

Я едва не произнесла полностью: «не верь канцлеру». Но

остановилась.

— Что именно там сказано? — спросил он.

— Я уже сообщила фрагмент.

— Вы сообщили один.

— Остальное повреждено.

— Это не то же самое, что отсутствует.

— Вы всегда так разговариваете с людьми?

— Только когда они скрывают часть документа, связанного с угрозой их собственной жизни.

Попал. Я не подавала виду.

— Тогда вам, наверное, часто невыносимо скучно.

— В последние два часа — нет.

Мирель подняла ладонь.

— Если вы двое закончили выяснять, кто из вас раздражает другого сильнее, я бы хотела вернуться к тому обстоятельству, что неизвестный человек вошёл в мою спальню.

— Спасибо, — сухо сказала она. — Госпожа Вейн, можете определить, когда написан видимый список?

Я снова коснулась листа. На этот раз сосредоточилась только на верхнем слое. Чернила свежие. Нажим ровный. Но время по письменному следу я определяла значительно хуже, чем по скрытому слою.

— Сегодня. Возможно, несколько часов назад. Точнее не скажу.

— А подпись? — Я перешла ниже. И остановилась.

— Что? — спросил Рован.

Я провела пальцем по фамилии ещё раз.

— Подпись старше.

Кайр впервые заметно изменился. Не отступил, не нахмурился, но вся его неподвижность вдруг стала более собранной.

— Насколько?

— Не могу сказать точно. Несколько дней. Может быть больше.

— Это невозможно, — сказал Рован.

— Почему?

Он посмотрел на канцлера. Тот ответил сам:

— Потому что последние три месяца я подписываю документы только в присутствии секретаря, и каждый лист регистрируется.

— Значит, либо система не работает, либо этот лист был подписан раньше трёх месяцев.

— Можете уточнить?

— В архиве, с оборудованием.

— Что именно вам нужно? — Я перечислила. Кайр кивнул Ровану.

— Доставьте.

Рован ушёл сам. Когда дверь закрылась, Мирель подошла к окну.

— Кайр, если подпись действительно ваша...

— Я знаю.

— Я хотела спросить, кому мог понадобиться ваш подпи-

санный лист.

— Многим.

— Очень помогает.

— Зато честно.

— Видите? Вы умеете отвечать прямо.

— Иногда это экономит время.

— Попробуйте ещё раз. Существует ли человек, у которого мог храниться лист с вашей подписью?

Он задумался.

— Да.

— Кто?

— Король.

«Не верь королю». Я почувствовала, как скрытая строка словно снова появилась под пальцами. Мирель повернулась.

— Отец?

— В государственных архивах могут находиться документы с моей подписью и свободным пространством, — уточнил Кайр. — Это не означает, что король имеет отношение к письму.

— Но вы сказали именно «король», — заметила я.

— Потому что спросили о человеке, а не учреждении.

— А если бы спросила об учреждении?

— Назвал бы три.

— Какие?

— Канцелярия Совета, Тайный архив и Королевская палата печатей.

— Все во дворце?

— Да.

— Тогда автору даже не обязательно было приносить подпись извне.

— Верно.

— Получается, человек мог взять старый подписанный лист, написать имена сегодня и оставить письмо здесь.

— Одна из версий.

— А скрытый текст?

— Этого я объяснить не могу.

— Наконец-то.

— Что?

— То, что Чёрный канцлер чего-то не знает. Начинаю верить, что ночь реальна.

На этот раз я увидела совершенно явную тень улыбки. Она исчезла сразу, но была. И это почему-то оказалось опаснее сурового выражения. Я отвернулась к документам. Мне не требовалось знать, умеет ли Кайр Эстель улыбаться. Мне требовалось понять, почему неизвестный человек счёл необходимым предупредить меня не выходить за него замуж.

* * *

Инструменты принесли через двадцать минут. Вместе с ними явился старший хранитель Эврен — растрёпанный, бледный и глубоко оскорблённый фактом, что государство существовало после полуночи.

— Лиара, — выдохнул он, увидев меня. — Что произо-

шло?

— Пока не знаю.

— Мне сказали, вы нашли что-то в протоколе.

— Нашла.

— Каком именно? — Я показала. Он узнал папку сразу.

— Дело Арвенов? Там нет ничего интересного.

— Кто назначил его мне сегодня? — Эврен моргнул.

— Я.

— Почему?

— Потому что он лежал в очереди.

— Кто положил?

— Помощник из третьего фонда.

— Имя? — Он нахмурился.

— Не помню. Заявка пришла по внутренней описи.

— Можно проверить?

— Конечно.

Кайр вмешался:

— Проверим утром.

— Почему не сейчас? — спросила я.

— Потому что человек, которого вы отправите за описью, может предупредить того, кто её подменил.

Эврен только теперь понял, кто с ним разговаривает. Его лицо стало ещё бледнее.

— Господин канцлер.

— Хранитель.

— Если в архиве произошло нарушение...

— Мы пока не знаем, произошло ли.

Эврен посмотрел на меня так, словно я каким-то образом лично пригласила канцлера проверять его ведомство.

— Я ничего не трогала кроме протокола.

— Не в тебе дело.

— Приятно слышать.

Мы разместили переносную рамку над письмом. Это была простая деревянная конструкция с двумя регулируемыми зеркалами и матовым стеклом, которая позволяла мне работать с очень слабыми письменными следами без лишнего прикосновения к бумаге. Кайр наблюдал.

— Дар требует инструментов?

— Нет. Мне требуются инструменты, чтобы меньше ошибаться.

— Разница существенная.

— Огромная.

— Многие на вашем месте предпочли бы изображать способность более впечатляющей.

— Многие на моём месте испортили бы документ.

Он кивнул, будто именно такого ответа ожидал. Я начала с подписи. Работа заняла почти сорок минут. Несколько раз я меняла угол света, сверялась с образцом Кайра, проверяла нажим. В конце концов результат стал достаточно ясным.

— Подпись настоящая, — сказала я.

Рован, вернувшийся к этому времени, тихо выругался. Кайр не отреагировал.

— Насколько старая?

— Не меньше месяца. Возможно, значительно больше.

Точнее сказать не могу.

— А список?

— Сегодняшний.

— Значит, использован старый подписанный лист.

— Да.

— Скрытый текст?

— Тоже сегодня.

Мирель сидела у камина, подперев подбородок рукой.

— Тогда неизвестный сначала раздобыл подписанный лист, потом написал список, добавил скрытый текст и принёс сюда.

— Вероятнее всего, — сказала я.

— Для чего?

— Если поймём, можно будет закрывать расследование.

Она усмехнулась.

— Мне нравятся архивисты. Вы умеете утешать.

Эврен нервно переступил с ноги на ногу.

— Можно мне посмотреть список?

Рован сразу ответил:

— Нет.

Хранитель оскорбился ещё сильнее. Я же заметила другое. Когда Эврен приблизился к письму, дар откликнулся. Не на письмо. На его рукав. Я нахмурилась.

— Стойте.

Он остановился.

— Что?

— Дайте руку.

— Лиара...

— Господин Эврен.

Он протянул. На манжете виднелось крошечное тёмное пятно. Чернила. Обычные, скорее всего. Но рядом с ними ощущался знакомый след. Такой же, как на старом судебном протоколе. Я коснулась ткани. Эврен отдёргнул руку.

— Что вы делаете?

— Где вы были сегодня вечером?

— В архиве.

— После девяти?

— Ушёл домой.

— До этого?

— В третьем фонде.

Я встретила его взгляд.

— Тот протокол пришёл из третьего фонда?

Эврен ответил сам:

— Да.

Рован мгновенно оказался рядом.

— С кем вы там работали?

— Один.

— Кто ещё имел доступ?

— Половина старших хранителей! Это архив, а не тюремная камера.

— Почему на вашем рукаве след от той же бумаги?

Эврен уставился на меня.

— Что? — Я уже пожалела о поспешном выводе. Дар показывал письменные следы, но не происхождение бумаги.

— Я сказала неточно. На ткани есть остаточный письменный отпечаток похожего типа.

— Я весь день работаю с документами!

Вот это было справедливо. Кайр вмешался прежде, чем Рован успел надавить сильнее.

— Хранитель Эврен прав. Этого недостаточно.

Я взглянула на него. Он встретил взгляд спокойно. Не защищал Эврена. Просто не позволил превратить слабую улику в доказательство. Мне это понравилось. Что было крайне некстати.

— Когда вы положили протокол мне на стол? — спросила я.

Эврен устало потёр переносицу.

— Около шести.

— Открывали?

— Конечно.

— Видели что-нибудь необычное?

— Нет.

— Вы касались нижнего поля?

— Лиара, я не помню, куда именно положил пальцы шесть часов назад.

— Хорошо.

Я отпустила тему. Пока. Кайр повернулся ко мне так, будто отметил это «пока» без всяких слов.

— Что дальше? — спросила Мирель.

Я перевела взгляд на письмо.

— Дальше я хочу понять, кому принадлежит второй черк.

— Какой второй? — спросил Рован.

— Скрытый.

— Вы говорили, его невозможно увидеть.

— Обычным способом — да.

— Тогда сравнивать не с чем.

Я медленно посмотрела на собственную руку. Вопрос возник настолько нелепый, что сначала я хотела его отбросить. Но профессиональная привычка оказалась сильнее. Письменный след имеет особенности. Не только форма букв. Направление. Нажим. То, как человек выводит соединения. Как заканчивает строку. Скрытый текст я воспринимала не глазами, однако некоторые особенности чувствовала.

И одна из них всё время казалась знакомой. Я взяла чистый лист.

— Что вы делаете? — спросила Мирель.

— Проверяю неприятную мысль.

Я написала:

Не верь королю.

Потом вторую строку:

Не верь канцлеру.

Рука двигалась привычно. Я остановилась. Кайр подошёл ближе.

— Продолжайте.

— Не командуйте.

— Это была просьба.

— Очень убедительная.

Я написала третью:

И что бы ни случилось — не становись его женой.

Перо замерло. Теперь у меня был видимый образец моего почерка. Я положила ладонь на письмо. Нашла скрытый текст. Сравнила первое слово. Потом второе. Способность не показывала мне буквы так, как они выглядели внешне. Но движение пера... Начало «н». Длинный уход вправо. Особенная привычка соединять «в» с последующей гласной.

Я научилась писать в семь лет и почти не меняла почерк шестнадцати. Некоторые движения становились частью руки.

— Нет, — сказала я.

Никто не ответил. Я проверила снова. Ошибка была возможна. Мне очень хотелось ошибиться. Третий раз дал тот же результат. Я убрала руку. На столе лежал лист, который я только что исписала сама. Рядом — письмо, оставленное неизвестным человеком в запертой комнате.

— Что? — спросила Мирель.

Я перевела взгляд на неё. Потом на Кайра.

— Скрытый текст написан моим почерком.

Рован сделал шаг вперёд.

— Вы уверены?

— Нет.

— Но?

— Я не знаю способа быть уверенной в том, что физически не должно существовать.

Эврен смотрел на меня так, будто я призналась в поджоге собственного архива.

— Может быть, кто-то подделал почерк.

— Может.

— Ваши образцы доступны? — Я почти рассмеялась.

— Я девять лет работаю в государственном архиве. Моих записей там больше, чем мне хотелось бы.

— Значит, это объяснимо, — сказал Рован.

— Форму букв — да. Не письменный отпечаток.

— В чём разница? — Я попыталась подобрать понятное объяснение.

— Если вы скопируете мою подпись, она может выглядеть почти идеально. Но вы будете двигать рукой иначе. С другой скоростью, другим нажимом, другими микропаузами. На обычной бумаге это почти невозможно заметить. Мой дар замечает.

— И здесь?

— Здесь движения мои.

— Вы написали этот текст?

— Нет.

— Вы были сегодня во дворце?

— Нет.

— Кто может подтвердить?

— Половина вечерней смены архива.

Кайр спросил:

— Есть ли способ заставить человека писать определённым образом?

Я повернулась к нему.

— Если вы имеете в виду физическое принуждение, результат всё равно будет отличаться. Если человек без сознания — он вообще не пишет.

— Значит, либо вы лжёте...

Рован напрягся.

— ...либо существующий способ подделки вам неизвестен, — закончил Кайр.

— Спасибо, что оставили второй вариант.

— Я предпочитаю варианты, пока нет доказательств.

— Полезное качество для канцлера.

— Иногда.

Мирель подошла к моему листу.

— Что именно написано в скрытом тексте?

Вот момент, которого я избегала. Теперь скрывать дальше было бессмысленно. Если я откажусь, Рован вполне обоснованно решит, что у него появилась ещё одна проблема. Я повернулась к Кайру.

— Первая строка: «Не верь королю».

Мирель выслушала спокойно.

— Вторая?

— «Не верь канцлеру».

Кайр никак не отреагировал.

— Разумный совет, — сказал он.

Я почти улыбнулась.

— Хотите услышать третью?

— Особенно после такого вступления.

Я перевела взгляд на лист, где сама только что написала слова.

— «И что бы ни случилось — не становись его женой».

Тишина продлилась достаточно долго, чтобы Мирель первой не выдержала.

— Простите? — Я постучала пальцем по своему образцу.

— Именно так.

Рован посмотрел на меня. Потом на Кайра. Потом снова на меня. В его выражении появилось искреннее желание оказаться на ночном дежурстве где-нибудь возле городской канализации. Мирель медленно повернулась к канцлеру.

— Кайр.

— Да, Ваше Высочество?

— Мне чрезвычайно любопытно, собирались ли вы сегодня жениться.

— До этой минуты — нет.

Я вскинула голову. Он наконец улыбнулся. Совсем немного.

— Это была шутка, госпожа Вейн.

— Вам не идёт.

— Мне редко дают возможность практиковаться.

Я неожиданно почувствовала, как напряжение на секунду ослабло. И сразу разозлилась на себя. Человек, которого скрытый текст советовал опасаться, не становился безопаснее от одной хорошей реплики.

— Есть ещё что-нибудь? — спросил он.

— Дата и время.

— И всё? — Я задумалась.

— Возможно, нет.

Я снова коснулась письма. До сих пор я изучала строки. Теперь проверила поля. В левом нижнем углу существовал ещё один след. Не текст. Скорее отпечаток рисунка. Круг. Три коротких луча. И линия через центр. Я знала этот знак. Не из архива. Из детства. Он был вырезан на деревянной шкатулке моей матери.

Я отдёрнула руку.

— Что теперь? — спросил Кайр.

— Я видела этот символ раньше.

— Где?

Несколько мгновений я не могла ответить. Перед глазами возникла маленькая тёмная коробка на верхней полке шкафа. Мать никогда не разрешала её трогать. После её смерти коробка исчезла. Я решила, что отец выбросил её вместе с другими вещами.

— У матери.

Кайр перестал улыбаться.

— Какой символ? — Я описала. Он медленно посмотрел на Рована. Тот выпрямился.

— Вы его знаете, — сказала я.

Кайр подошёл к столу, взял чистый лист и нарисовал знак. Точно тот.

— Этот?

— Да.

— Уверены?

— Абсолютно.

Мирель спросила:

— Что он означает? — Кайр не ответил. Я почувствовала, как возвращается прежнее раздражение.

— Мы опять дошли до «позже»?

— Нет.

Впервые за весь вечер его спокойствие изменилось не внешне, а в голосе. Стало тяжелее.

— Этот знак использовала группа архивистов двадцать один год назад. Неофициально.

— Для чего?

— Чтобы отмечать документы, которые, по их мнению, были изменены после утверждения короной.

— Подделки?

— Не обязательно. Иногда законные исправления. Иногда нет.

— Моя мать состояла в этой группе?

— Да.

— И что с ними стало? — Ответ пришёл слишком медленно.

— Группа прекратила существование после пожара.

— Потому что погибла моя мать?

— Потому что погибли трое.

Я смотрела на знак.

— Кто ещё?

Кайр назвал имя мужчины, которого я не знала, и Найру Келл. Второе имя стояло в списке четвёртым. Я быстро сверилась.

— Она здесь.

— Да.

— Значит, минимум две женщины из этого списка состояли в той группе.

— Да.

— Остальные?

— Я не знаю.

— Девять лет расследования, и вы не знаете?

— Теперь вижу возможную связь, которой не видел раньше.

— Благодаря символу.

— Благодаря вам.

Комплиментом это не прозвучало. Просто фактом. И почему-то именно поэтому я запомнила. Я села. Впервые за

ночь ноги решили напомнить, что я стою почти непрерывно несколько часов. Шесть женщин. Мать. Старый тайный знак архивистов. Моё имя. Мой почерк. Подпись Кайра. Предупреждение против короля. Предупреждение против канцлера. И абсурдное «не становись его женой».

Слишком много связей. И ни одной, которую я могла бы объяснить.

— Есть что-то ещё, что вы не сказали о моей матери? — спросила я.

Кайр стоял напротив.

— Да.

— Много?

— Достаточно.

— Тогда начинайте.

Он посмотрел на Мирель. Она поняла.

— Рован, господин Эврен, оставьте нас.

Я встала.

— Нет.

Принцесса удивилась.

— Что?

— Если речь о расследовании, Рован должен остаться. А если о моей семье, я сама решу, кто услышит.

Кайр чуть склонил голову.

— Хорошо.

Эврен явно хотел исчезнуть как можно быстрее. Его отпустили. Рован остался у двери. Мирель села в кресло. Я по-

вернулась к Кайру.

— Говорите.

Он не стал начинать издалека. За это я была ему благодарна.

— Пожар произошёл в ночь на девятое число зимнего месяца двадцать один год назад. Загорелось восточное крыло старого дворцового архива.

— Мне было семь.

— Да.

— Я была там?

Несколько секунд никто не говорил.

— Да.

В памяти ничего не откликнулось. Только отрывочные картины, которым я никогда не доверяла: яркий двор, чей-то плащ, тяжёлый воздух, мужские руки.

— Почему?

— Ваша мать привела вас с собой.

— Зачем архивистка привела семилетнего ребёнка ночью во дворец?

— Этого я не знаю.

— Вы же были там.

Он встретил мой взгляд.

— Да.

Вот оно. Финальный кусок, который он держал до сих пор.

— В каком качестве?

— Я тогда служил помощником при канцелярии.

— Сколько вам было?

— Восемнадцать.

Я быстро посчитала. Сейчас ему тридцать девять. Сходилось.

— Вы знали мою мать?

— Видел несколько раз.

— Разговаривали?

— Один раз.

— О чём?

— Она спросила, умею ли я хранить тайны.

— И?

— Я сказал, что ещё не выяснил.

Несмотря ни на что, я почти рассмеялась.

— Очень полезный ответ.

— Она тоже так решила.

— Что произошло потом? — Кайр подошёл к окну. Не отворачиваясь полностью, но впервые с начала разговора словно нуждаясь в расстоянии.

— Начался пожар.

— Где была мать?

— В хранилище.

— А я?

— В коридоре.

— Одна?

— Когда я вас нашёл — да.

Моё дыхание стало медленнее. Не из-за страха. Из-за уси-

лия удержать мысли в порядке.

— Вы нашли меня?

— Да.

— И вывели?

Он кивнул. Отрывок памяти обрёл форму. Чёрная ткань. Большая рука. Голос, говоривший держаться крепче. Я годами считала, что это отец.

— Почему я этого не помню?

— Вам было семь. Вокруг был пожар. Я не специалист по памяти.

— Что произошло с матерью?

— Её вынесли позже.

— Живой?

— Да.

Я уставилась на него.

— Мне сказали, она погибла там.

— Нет.

Кажется, именно эта простая фраза ударила сильнее всего остального.

— Сколько она прожила?

— Три дня.

Я отвернулась. Три дня. Три дня, о которых я ничего не знала.

— Она была в сознании?

— Часть времени.

— Разговаривала? — Кайр молчал. Я резко повернулась.

— Со мной?

— Нет.

— С отцом?

— Да.

— С вами?

Теперь пауза стала ответом раньше слов.

— Один раз.

— Что она сказала?

— Это длинный разговор.

— У нас ночь свободна.

— Лиара...

Впервые он назвал меня без «госпожа Вейн». Не знаю, заметил ли сам. Я заметила.

— Что. Она. Сказала? — Кайр повернулся ко мне так, словно решал не то, следует ли ответить, а с какой части ответа начать.

— Она сказала, что пожар устроили.

Рован у двери перестал притворяться, что не слушает.

— Кто?

— Не знала.

— Зачем?

— Из-за документов.

— Каких?

— Тех, что она нашла за несколько дней до пожара.

— Где они?

— Исчезли.

— Что в них было?

— Этого она мне не сказала.

— Почему говорила вам? Восемнадцатилетнему помощнику? — Кайр ответил не сразу.

— Потому что все остальные, кому она доверяла, либо погибли, либо находились под подозрением.

— И вы?

— Был слишком незначителен, чтобы кто-то счёл меня угрозой.

— Удивительное время.

— Иногда скучаю.

Я не улыбнулась.

— Она просила вас что-то сделать?

— Да.

— Что? — Он посмотрел на письмо. И меня внезапно посетило очень неприятное предчувствие.

— Кайр.

— Найти человека, если появится определённый знак.

— Какой?

— Семь имён.

Мирель выпрямилась. Рован тихо произнёс:

— Что? — Я не могла отвести взгляд от канцлера.

— Вы знали про список?

— Нет.

— Только что сказали...

— Ваша мать не дала мне список. Она сказала: «Если ко-

гда-нибудь увидишь семь женских имён на одном листе и моё имя будет среди них, найди мою дочь».

По комнате словно прошёл холодный сквозняк, хотя окна оставались закрыты. Я повернулась к письму. Семь строк. Селена Вейн. Лиара Вейн.

— Девять лет назад, когда умерла Элара, вы начали искать связь из-за слов моей матери?

— Да.

— Но списка тогда не было.

— Нет.

— Сегодня он появился.

— Да.

— И вы поэтому сразу знали, кто я.

— Я знал раньше.

— Вы наблюдали за мной?

— Проверял, что вы живы.

Слова были сказаны настолько спокойно, что я не сразу поняла их смысл.

— Девять лет?

— Не постоянно.

— Как великодушно.

— Лиара...

— Не надо.

Я прошла к окну, затем остановилась. Гнев оказался полезнее растерянности. Он возвращал порядок.

— Значит, вы знали о матери то, чего не знала я. Знали,

что пожар был устроен. Знали, что она оставила предупреждение о семи именах. И девять лет ничего мне не говорили.

— Да.

— Почему?

— Потому что она просила.

Я обернулась.

— Что именно?

— Не втягивать вас, пока список не появится.

Вот теперь мне стало трудно говорить.

— Моя мать просила вас двадцать один год назад не рассказывать мне правду?

— Да.

— И вы выполнили обещание человеку, которого почти не знали, в течение двадцати одного года?

— До сегодняшнего вечера.

— Почему? — Он повернулся ко мне без всякой привычной иронии.

— Потому что на третий день после пожара она умерла, зная, что кто-то всё ещё ищет её документы. Потому что единственным человеком, о котором она спрашивала дважды, были вы. И потому что я не видел причины считать её страх необоснованным.

Я молчала. Это не делало его поступок правильным. Не делало его простительным. Но делало понятным. А понятные поступки раздражают сильнее, когда всё равно хочется злиться.

— Есть ещё что-нибудь? — спросила я.

Он медленно вдохнул.

— Есть.

Я закрыла глаза на секунду.

— Конечно.

— Я не хотел говорить это при первом разговоре.

— Ваша способность выбирать момент впечатляет.

— Возможно, после этой ночи вы измените мнение.

— Сомневаюсь.

Кайр подошёл к письму. Указал на шестое имя. Селена Вейн.

— Ваша мать не была первой женщиной из списка, которую я видел перед смертью.

Мне это не понравилось.

— Что?

— Элара Сейн девять лет назад тоже пыталась связаться со мной.

— Успела?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что пыталась?

— Она оставила записку.

— Что было написано?

— Два слова.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— «Седьмая жива».

Я медленно опустила взгляд на своё имя. Последнее.

Седьмое. Все вопросы, которые до этого толпились в голове, вдруг уступили место одному.

— Почему «жива»?

Кайр не ответил сразу. И впервые мне показалось, что не потому, что что-то скрывает. Потому что ответ ему самому не нравился.

— Именно это я пытался выяснить девять лет.

Рован подошёл ближе.

— А сегодня список появился.

— Да.

— Значит, тот, кто убивал остальных...

— Мы ещё не доказали, что их убивал один человек, — резко сказал Кайр.

— Но считаете это возможным.

— Да.

Я снова посмотрела на письмо. Пятеро женщин были мертвы; Иллону дворец тоже записал в погибшие, хотя тела не нашли. Я была жива. Если список был предупреждением, мне угрожали. Если планом — меня назначили. Но существовал и третий вариант.

— А если список не про смерть? — спросила я.

Кайр повернулся.

— Объясните.

— Мы решили, что шесть имён объединяет смерть. Но это может быть не причиной, а последствием. Возможно, автор перечислил их по другой связи.

— Какой?

— Не знаю.

— Тогда это пока не версия.

— Это направление.

— Хорошо. Что их ещё объединяет?

— Архив.

— Да.

— Тайные документы.

— Возможно.

— Способность видеть изменения? — Он нахмурился.

— Не у всех была такая способность.

— У матери?

— Да.

Я замерла.

— У неё был такой же дар?

— Похожий.

Почему отец никогда не сказал? Впрочем, этот вопрос теперь следовало добавить к нескольким десяткам других.

— У Элары?

— Насколько мне известно — нет.

— Тогда не подходит.

Я снова посмотрела на старый протокол. «Не отдавайте ей седьмой».

— Может быть, «седьмой» вообще не человек.

— Что тогда?

— Документ. Ключ. Печать. Архивный раздел. Что угод-

но, имеющее номер.

Кайр кивнул.

— Это можно проверить.

Рован уже доставал блокнот.

— Я дам распоряжение искать упоминания семи...

— Нет, — перебила я.

Он остановился.

— Почему?

— Потому что если в архиве действительно есть человек, связанный с письмом, массовый приказ искать слово «седьмой» предупредит его.

Кайр встретил мой взгляд.

— Что предлагаете?

— Дайте мне доступ к закрытым материалам матери. И к делам остальных женщин.

— Одной?

— Да.

— Нет.

— Вы быстро принимаете решения.

— Когда ответ очевиден.

— Для кого?

— Для человека, чьё имя не стоит последним в списке.

— Моё имя не делает меня беспомощной.

— Я этого не говорил.

— Но ведёте себя именно так.

— Нет. Я веду себя так, словно неизвестный человек уже

проник в защищённые покои наследницы, использовал мою подпись, ваш почерк и сведения двадцатиднолетней давности. Отправлять вас после этого в закрытый архив одну было бы не уважением к вашей самостоятельности, а идиотизмом.

Я открыла рот. Закрыла. Это было неприятно разумно.

— Тогда с охраной.

— Со мной.

Я рассмеялась, прежде чем успела остановиться.

— Конечно.

— Что смешного?

— Скрытое письмо только что рекомендовало мне вам не доверять.

— Поэтому вам будет удобно наблюдать за мной лично.

— И заодно не выходить за вас замуж?

Мирель прикрыла лицо рукой. Кайр посмотрел на меня долгим взглядом.

— Если эта проблема внезапно возникнет по пути к архиву, обещаю предупредить заранее.

На этот раз я всё-таки улыбнулась. На несколько секунд. А потом заметила, что Рован стоит у двери слишком прямо.

— Что?

Он смотрел не на нас. На коридор. Раздались быстрые шаги. Дверь распахнулась. Вошёл тот же стражник, которого Рован отправлял проверить внутреннюю опись. Он был запыхавшимся, но говорил чётко:

— Господин Тейс. Опись из третьего фонда нашли.

— И?

— Запись о выдаче протокола внесли сегодня в пять сорок.

— Кто подписал? — Стражник посмотрел на меня. Почему на меня?

— Госпожа Вейн.

Я почувствовала, как что-то внутри неприятно сдвинулось.

— Что? — Он протянул лист.

— В графе выдачи стоит ваша подпись.

Я взяла документ. Подпись была моей. Не похожей. Моей. Я коснулась бумаги. И сразу поняла. Рука. Нажим. Пауза перед последней буквой фамилии. Так подписывала только я.

— Я этого не писала.

Никто не ответил.

— В пять сорок я была в южном зале. С тремя переводчиками.

— Проверим, — сказал Рован.

— Проверяйте хоть сейчас.

Кайр подошёл ко мне.

— Лиара.

— Я не подписывала.

— Я услышал.

— Тогда почему вы так на меня смотрите?

— Потому что вы опять увидели что-то ещё.

Я подняла на него глаза. Чёртов наблюдательный человек.

Да. Под моей подписью был скрытый след. Совсем короткий. Одна строка. Я прочитала её один раз. Потом второй. И только после этого произнесла вслух:

— «Ты уже начала».

Мирель медленно поднялась.

— Что это значит?

— Не знаю.

Но я знала другое. Незнакомый не просто копировал мой почерк. Он писал так, как писала я. Оставлял следы, которые мой дар принимал за мои собственные. Знал о моей матери. Знал пророческую фразу о семи именах. И каким-то образом подсовывал документы в мой рабочий день ещё до того, как письмо появилось во дворце.

Кайр забрал лист у меня только после того, как я разжала пальцы.

— На сегодня достаточно, — сказал он.

— Нет.

— Достаточно, чтобы понять: вы не возвращаетесь домой.

— Простите?

— До выяснения обстоятельств останетесь во дворце.

— Это приказ?

— Рекомендация.

— Очень похожая на приказ.

— Тогда считайте хорошей рекомендацией.

— Я не собираюсь ночевать...

— Госпожа Вейн, — вмешался Рован, — неизвестный че-

ловек подделал вашу подпись, получил доступ к документам и оставил ваше имя в списке женщин, пятеро из которых погибли, а одна пропала без вести. В данном случае я согласен с канцлером.

— Это начинает становиться дурной привычкой.

— Мне тоже не нравится.

Мирель повернулась ко мне.

— Вы можете остаться в гостевых покоех рядом с моими.

Там постоянная охрана.

Спорить с наследной принцессой после полуночи, имея вокруг столько доказательств чужого нездорового интереса к моей жизни, было бы уже не принципиальностью. Глупостью.

— Хорошо.

Кайр коротко кивнул.

— Утром начнём с закрытого фонда.

— Нет.

Он поднял бровь.

— Что теперь?

— Начнём с моей матери.

Несколько секунд он молчал.

— Это одно и то же.

— Для вас, возможно.

— Для расследования — точно.

— Я хочу увидеть всё, что у вас есть о ней.

— Увидите.

— Без исключений.

— Те материалы, которые не затрагивают безопасность других людей.

— Уже начинаете.

— Я и не обещал стать удобным.

Я хотела ответить, но взгляд снова упал на список. Селе-на Вейн. Шестая. Лиара Вейн. Седьмая. И тут я заметила то, что должна была заметить раньше. Между шестым и седьмым именем расстояние было немного больше, чем между остальными. Совсем чуть-чуть. Не больше ширины одной строки. Я наклонилась.

— Лампу.

Кайр передал её без вопросов. Я приблизила свет. Под седьмым именем ничего не было. А вот между шестым и моим... Я коснулась бумаги. Письменный след ударил так резко, что я отдёрнула руку.

— Что?

— Там ещё одна строка.

Рован подошёл ближе.

— Восьмое имя?

— Нет.

Я снова коснулась. Текст был коротким. Не мой почерк. Не почерк списка. Третья рука. Слова удалось восстановить быстро. И после первого мне уже не хотелось читать дальше. Но я прочитала.

Она не должна вспомнить северные ворота.

Я смотрела на строку. Северные ворота. В памяти мелькнуло что-то слишком быстрое: высокая каменная арка, чёрный дым и молодой мужчина, опустившийся передо мной на одно колено. Не отец. Другое лицо. Очень молодое. И чёрная птица на застёжке плаща. Я подняла глаза на Кайра. Он стоял неподвижно.

— Что было у вас на плаще двадцать один год назад?

Вопрос застал его врасплох. Совсем чуть-чуть, но я увидела.

— Что?

— Когда вы нашли меня во время пожара. Что было на вашем плаще?

Он долго смотрел мне в лицо.

— Ворон.

Мир вокруг словно сдвинулся на полшага.

— Почему?

— Герб учебного корпуса, где я тогда служил.

Я помнила. Не пожар. Не мать. Не архив. Его. Обрывок голоса. Руку на моём плече. И собственный детский голос:

Ворон, мама осталась там.

Я отступила от стола. Кайр заметил.

— Вы вспомнили?

— Возможно.

— Что именно?

Я не ответила. Потому что вместе с образом северных ворот вернулось ещё одно воспоминание. Мать передала мне

что-то маленькое и холодное за несколько часов до пожара. Не коробку. Не украшение. Плоский металлический предмет. Она вложила его мне в ладонь и сказала спрятать там, где никто не найдёт.

Я не помнила, что это было. Не помнила, куда спрятала. Но теперь поняла, почему фраза в старом протоколе звучала именно так.

Не отдавайте ей седьмой.

Возможно, речь действительно шла не о седьмой женщине. Я взглянула на Кайра.

— Вы сказали, что моя мать попросила вас найти меня, если появятся семь имён.

— Да.

— И что вы встретились с ней один раз после пожара.

— Да.

— Тогда ответьте на последний вопрос.

Он ждал.

— Она говорила о том, что дала мне перед пожаром?

Кайр ничего не сказал. Этого было достаточно.

— Говорила, — произнесла я.

Он медленно кивнул.

— Что это было?

— Она не сказала.

— Но сказала, что дала?

— Да.

— И что именно она попросила вас сделать?

На этот раз канцлер не отвёл взгляд.

— Не позволить никому узнать, что предмет оказался у вас.

— Почему?

— Потому что, по её словам, ради него уже начали убивать.

В комнате никто не двигался. Я смотрела на человека, которого видела впервые этой ночью и которого, оказывается, должна была помнить двадцать один год. Потом Кайр произнёс совсем тихо:

— Лиара, ваша мать не погибла случайно.

Я ждала продолжения. Он сделал короткую паузу.

— И вы тоже не случайно оказались седьмой.

Глава 2. Невеста Чёрного канцлера

— Не случайно, — повторила я, потому что иногда услышанное приходится произнести собственным голосом, прежде чем оно приобретает хоть какую-то форму. — Вы говорите так, будто знаете, почему моё имя оказалось последним.

Кайр не отвёл взгляда.

Мы всё ещё находились в покоях принцессы. За окнами ночь постепенно теряла густоту, но до рассвета оставалось достаточно времени, чтобы дворец казался отделённым от остального города. Мирель сидела возле камина, Рован стоял у двери, а на столе между нами лежали два документа, которые за несколько часов успели превратить моё прошлое в совершенно чужую историю.

Список семи женщин. И старый судебный протокол с записью, которой там быть не должно. Мне хотелось получить один хороший, последовательный ответ. Такой, после которого можно задать следующий вопрос и хотя бы на несколько минут поверить, что мир снова подчиняется обычной логике. Вместо этого у меня был Чёрный канцлер.

— Я знаю, почему ваша мать боялась появления семи имён, — сказал он. — Это не то же самое.

— Тогда расскажите всё, что знаете.

— Не здесь.

Я посмотрела на Мирель.

— Наследная принцесса уже слышала почти всё.

— Дело не в ней.

— А в ком?

— В том, что мы до сих пор не знаем, кто способен входить в защищённые помещения дворца.

Рован едва заметно поморщился. Вероятно, как начальнику дворцовой стражи ему особенно нравилось слышать эту формулировку. Кайр продолжил:

— Любой разговор, который можно отложить до защищённого кабинета, следует отложить.

— Моё детство двадцать один год прекрасно обходилось без защищённого кабинета. Думаю, ещё десять минут оно выдержит.

— Лиара.

Мне не понравилось, что он снова назвал меня по имени. Ещё меньше мне понравилось, что после нескольких часов споров это уже перестало казаться совершенно неуместным.

— Я только что узнала, что моя мать работала при дворце под другим именем, участвовала в какой-то неофициальной группе архивистов, нашла документы, из-за которых кто-то устроил пожар, прожила после него ещё три дня, успела поговорить с моим отцом и с вами, оставила вам поручение, о котором я ничего не знала, а затем умерла. После этого вы сообщаете мне, что моя собственная подпись появилась на документе, которого я не подписывала, и что моё имя стоит

после пяти погибших женщин и одной пропавшей без вести. Не предлагайте мне сейчас проявить терпение. Я его сегодня использовала больше обычного.

Мирель опустила взгляд, скрывая выражение лица. Рован продолжал изучать дверь. Кайр же слушал меня до конца, что само по себе уже отличало его от большинства людей, привыкших распоряжаться другими.

— Хорошо, — сказал он. — Но я расскажу только то, что могу подтвердить.

— Наконец-то условие, с которым я согласна.

Он взял старый протокол, но не открыл его.

— Ваша мать появилась в дворцовом архиве примерно за шесть лет до пожара. Здесь её знали как Селену Вейн. Имя Элена она использовала вне дворца.

— Почему?

— Я не знаю.

— Отец знал?

— Вероятно.

— «Вероятно» означает, что вы не читали его показания внимательно?

— Это означает, что он нигде прямо не написал: «Я знал, что моя жена использовала другое имя». Но в показаниях обращался к ней как к Селене, когда говорил о работе во дворце.

Я машинально запомнила формулировку. Не вывод. Факт.

— Значит, знал.

— Скорее всего.

— И после её смерти решил никогда не говорить мне даже её настоящее рабочее имя.

— Это уже вопрос к нему.

Мой отец умер семь лет назад, и спрашивать теперь было не у кого. Особенно удобно для всех, кто когда-то предпочёл молчать.

— Что именно делала мать?

— Работала с актами высшего допуска. В основном свёрнула королевские распоряжения с архивными копиями.

— Из-за дара?

— В том числе.

— Вы сказали, он был похож на мой.

— Да. Она замечала изменения, внесённые после подписания документа.

— А я вижу более старые слои.

— Насколько я понимаю, ваш дар сильнее.

— Откуда вы знаете?

— Читал ваши служебные отчёты.

Я уставилась на него.

— Разумеется.

— Они государственные.

— Это почему-то совершенно не утешает.

— Я не пытался вас утешить.

— Ещё одна общая черта с моим начальником.

На этот раз Мирель действительно улыбнулась. Кайр по-

ложил протокол на стол.

— За несколько месяцев до пожара ваша мать вместе с двумя другими архивистами начала отмечать документы, в которых обнаруживала изменения, внесённые уже после утверждения.

— Тем знаком с кругом и тремя лучами?

— Да.

— Что именно меняли?

— Я видел только часть материалов. Даты. Формулировки. Иногда имена. В отдельных случаях — целые пункты распоряжений.

— Кто мог это делать?

— Человек, имевший доступ одновременно к архивным копиям и к государственным реестрам.

— Это очень сужает круг?

— До нескольких десятков человек.

— Великолепно.

— Двадцать один год назад это считалось почти успехом.

Я подошла к столу и снова посмотрела на знак, который он нарисовал раньше. Круг. Три коротких луча. Линия через центр.

На старой шкатулке матери он был вырезан в углу крышки. Я помнила, как в детстве пыталась провести по нему ногтем, пока она не отодвинула коробку и не сказала, что некоторые вещи становятся опасными только после того, как начинаешь задавать о них правильные вопросы. Тогда мне по-

казалось, что она шутит.

Теперь я уже не была уверена.

— Кто были остальные двое? — спросила я.

Кайр назвал их снова: мужчина, чьего имени я не знала, и Найра Келл — четвёртая женщина из списка.

— Мужчина тоже погиб при пожаре?

— Да.

— А женщина?

— Нет. Она ушла из дворца после пожара и прожила ещё четырнадцать лет.

— То есть Найра оказалась четвёртым именем в списке уже после того, как пережила пожар и прожила ещё четырнадцать лет.

— Да.

— Значит, список не составлен сразу после пожара.

— По крайней мере, не в том виде, который лежит перед нами.

Я посмотрела на шесть имён.

— Теперь ясно: список точно не построен по датам смерти.

— Нет.

— Мать стоит шестой, хотя погибла раньше нескольких женщин над ней.

— Да.

— Значит, последовательность описывает что-то другое.

— Именно это нам и нужно понять.

— Тогда что определяет порядок?

— Пока не знаем.

— Но мать шестая.

— Да.

— А я седьмая.

— Да.

— И фраза Элары «седьмая жива» появилась девять лет назад.

— Да.

— Значит, она знала, что шестое место каким-то образом связано с матерью, а седьмое — со мной.

— Это одна из причин, почему я начал искать вас.

— Но вы меня не нашли. Вы уже знали, кто я.

— Нашёл в смысле проверил, где вы живёте и кем стали.

— Очень тонкое различие.

— Не рассчитывал, что оно вам понравится.

Я отошла от стола.

— Что случилось в те три дня после пожара?

Впервые за всё время Кайр не ответил сразу не потому, что выбирал формулировку, а словно решал, должен ли рассказ принадлежать ему.

— Вашу мать перевезли в закрытые покои при старом дворце. Король тогда был ещё наследником. Правил его отец.

— Аларик уже был взрослым?

— Ему было двадцать три.

Я знала нынешнего короля только по официальным изоб-

ражениям и редким публичным церемониям. Аларик IV правил почти двадцать лет. В моём представлении он всегда существовал уже королём, словно родился сразу в короне и с выражением терпеливого государственного недовольства на лице.

— Он знал мою мать?

— Знал о её работе.

— А о найденных документах?

— Не могу подтвердить.

— Вы постоянно используете эту фразу.

— Потому что она лучше обвинения без доказательств.

Пришлось согласиться.

— Кто разговаривал с матерью после пожара?

— Ваш отец. Один из королевских советников. Следователь дворцовой стражи. Я.

— Почему вы?

— Случайно.

— Не верю.

— И правильно. Случайность закончилась в тот момент, когда она узнала меня.

Я ждала.

— Когда я вывел вас через северные ворота, — продолжил он, — она увидела нас из окна внутренней галереи. Уже позже спросила, кто был со мной.

Что-то в памяти дрогнуло: женщина за стеклом, чья ладонь ударяет по раме, и чужой голос рядом со мной. Но вос-

поминание было слишком размытым, чтобы считать его фактом.

— Она знала, что вы меня спасли?

— Да.

— Поэтому доверилась?

— Возможно. Или потому, что я был молод, никому не интересен и слишком низко стоял, чтобы участвовать в том, чего она боялась.

— Вы необыкновенно лестно описываете себя в юности.

— Я был очень перспективным ничтожеством.

Мирель тихо рассмеялась. Я взглянула на неё.

— Простите.

— Не за что. Мне редко удаётся услышать подобное от него самого.

Кайр проигнорировал обеих.

— Ваша мать передала мне только три вещи. Просьбу следить за появлением семи женских имён. Предупреждение, что определённый предмет оказался у вас. И имя человека, которому нельзя было доверять.

Я почувствовала, как всё внутри собирается вокруг последней фразы.

— Кого?

— Она не назвала фамилию.

— Что значит «не назвала»?

— Сказала: «Тот, кто хранит печать».

Рован впервые за несколько минут заметно изменился. Я

повернулась к нему.

— Вы знаете, о ком речь?

— Во дворце существует несколько должностей, связанных с печатями.

— Несколько?

— Королевская, Советская, судебная, архивная...

Кайр перебил:

— Двадцать один год назад формулировка могла относиться минимум к четырём людям.

— А сейчас?

— К двум.

— Кто они?

Он назвал одну должность, которая не вызвала у меня ничего, кроме желания получить письменную справку, и вторую:

— Хранитель королевской печати Марек Восс.

Имя было новым.

— Он служил тогда?

— Нет. Ему было четырнадцать.

— Значит, мать не могла иметь в виду его.

— Если речь шла о человеке.

— А если о должности?

— Именно.

Я подошла к окну. За стеклом дворцовый двор постепенно светлел, превращаясь из чёрного прямоугольника в пространство с дорожками, статуями и неподвижными фигура-

ми караульных.

— Вы проверяли прежнего хранителя?

— Он умер через два года после пожара.

— Удобно.

— Вы начинаете злоупотреблять этим словом.

— Ночь располагает.

Я обернулась.

— Итак, мама нашла изменённые документы, пожар устроили из-за них, после пожара она предупредила вас о семи именах и о человеке, связанном с печатью. А мне оставила какой-то предмет, которого я не помню.

— Верно.

— Вы знаете, как он выглядел?

— Нет.

— Размер?

— Она показала ладонью примерно так.

Кайр сложил большой и указательный пальцы, оставив расстояние примерно в половину моей ладони. То, что я вспомнила несколькими минутами раньше, действительно могло быть такого размера. Плоское. Металлическое.

— Она называла это ключом?

— Нет.

— Печатью?

— Нет.

— Документом?

— Нет.

— Что тогда?

— «Седьмым».

Я уставилась на него.

— Повторите.

— Она сказала: «Если Лиара всё ещё хранит седьмое, не позволяйте никому узнать».

Я медленно повернула голову к старому протоколу.

Не отдавайте ей седьмой.

У меня по коже прошла неприятная волна, но я заставила себя не отводить глаз.

— Почему вы не сказали этого раньше?

— Потому что до сегодняшнего вечера понятия не имел, что означает слово.

— А теперь имеете?

— Теперь у нас есть второй документ с тем же обозначением.

— И всё равно никакого понимания.

— Именно.

Я прижала ладони к краю стола.

— Кто написал старый протокол?

— Это установим.

— Он почти столетний.

— Значит, кто-то использовал старый документ для передачи сообщения. Вы сами сказали, что след не соответствует обычной записи.

— Но я не могу доказать, когда он появился.

— Пока.

Я встретила его взгляд.

— Вы всегда считаете, что любое «не могу» означает «пока»?

— В полезных случаях.

— Это объясняет вашу должность.

— А вашу профессию объясняет обратное?

— Моя профессия объясняется тем, что люди постоянно пытаются исправить прошлое чернилами.

Он задержал взгляд на мне.

— Пожалуй, это первый действительно разумный аргумент против государственной службы, который я слышал за месяц.

Я собиралась ответить, когда в дверь негромко постучали. Рован сразу оказался рядом. На этот раз он не открыл, пока не спросил имя. После короткой проверки вошёл молодой офицер.

— Господин канцлер, Его Величество просит вас и госпожу Вейн явиться в малый кабинет, как только будет возможно.

Я посмотрела на окна.

— Король не спит? — Мирель поднялась.

— Отец редко считает ночь достаточной причиной отложить неприятный разговор.

— Семейная черта?

— Очень надеюсь, что нет.

Кайр взял список, старый протокол и сложил их в две разные папки.

— Рован, оба документа никому не передавать без моего или вашего присутствия.

— Понял.

— Мирель...

— Я тоже иду.

— Нет.

— Кайр.

— Вы провели ночь в комнате, куда неизвестный сумел подложить письмо. Пока мы не проверим охрану, вы останетесь в другой части дворца.

Принцесса медленно прищурилась.

— Я наследница престола.

— Именно поэтому.

— Иногда я совершенно понимаю, почему вас недолюбливают.

— Я старался.

Она повернулась ко мне.

— Госпожа Вейн, если он станет особенно невыносим, напоминайте, что однажды я пыталась защитить вас.

— Запомню.

— Не сомневаюсь.

* * *

Короля Аларика IV я видела прежде трижды. Первый раз — с расстояния половины городской площади. Второй — во

время открытия нового крыла архива, когда он прошёл мимо группы сотрудников и сообщил, что «сохранение письменного наследия является обязанностью короны». Через неделю финансирование нашего отдела сократили.

Третий раз — на портрете в кабинете Эврена, где художник сделал его значительно добрее, чем казалось справедливым. В малом кабинете он выглядел человеком, который вообще не видел смысла в портретах. Никакой короны. Тёмная одежда. Седина у висков. Прямой взгляд. На столе лежала одна папка, и я почти сразу поняла, что она моя.

Не из-за того, что обладала каким-то особым даром к распознаванию папок. На корешке было написано: ВЕЙН, ЛИ-АРА.

— Госпожа Вейн, — произнёс король, когда мы вошли.
— Подойдите.

Не «садитесь». Не «доброе утро». Подойдите. Я подошла. Кайр остановился чуть позади и справа. Это положение почему-то показалось мне интересным: достаточно близко, чтобы участвовать в разговоре, но не рядом с королём.

— Я ознакомился с первичными сведениями, — сказал Аларик. — Не со всеми деталями. Канцлер утверждает, что их ещё необходимо проверять.

— В этом мы неожиданно согласны.

Его взгляд задержался на мне.

— Вы не боитесь говорить лишнее?

— Постоянно, Ваше Величество. Просто не всегда вове-

мя.

Король изучал меня ещё несколько секунд. Потом угол его рта едва заметно поднялся.

— Теперь понимаю, почему Эстель выглядит раздражённым.

— Я выгляжу как обычно, — сказал Кайр.

— Вот именно.

Аларик указал на кресло. На этот раз я села. Кайр остался стоять.

— Мне сообщили, что вы можете определить скрытые изменения в письменных документах.

— Иногда.

— Почему «иногда»?

— Потому что дар зависит от сохранности письменного следа. Я не могу извлечь информацию из пустоты.

— Разумно. Мне также сообщили, что скрытый текст сегодняшнего письма выполнен вашим почерком.

— Да.

— Но вы его не писали.

— Нет.

— Можете доказать?

— Могу доказать, где находилась примерно в предпологаемое время создания письма.

— Я спрашивал не об этом.

Король говорил спокойно. Не обвинял. Просто срезал лишнее. Я оценила.

— Нет. Доказать, что скрытый текст написан не мной, пока не могу.

— Хорошо.

Кайр слегка повернул голову, и я почти физически почувствовала его внимание к слову «хорошо». Король открыл папку.

— Вы работаете в архиве девять лет. Дисциплинарных взысканий нет. Доступ повышался трижды. Несколько раз вы отказывались от перевода в административный отдел.

— Там больше совещаний.

— Это была причина?

— Одна из.

— Остальные?

— Там меньше документов.

Аларик закрыл папку.

— Вы похожи на мать.

Ни один из предыдущих вопросов не подготовил меня к этой фразе.

— Вы её знали?

— Да.

Кайр не вмешался.

— Хорошо?

— Достаточно.

— Она доверяла вам? — Король посмотрел прямо на меня.

— Нет.

Ответ оказался неожиданно лёгким. Без попытки выглядеть лучше.

— Почему?

— Потому что ваша мать мало кому доверяла в последние месяцы жизни.

— Канцлеру доверяла.

— Канцлер тогда был мальчишкой, которого никто не воспринимал всерьёз.

— Он уже сообщил эту часть.

— Надеюсь, с должным драматизмом.

— Я старался избежать, — сухо отозвался Кайр.

Король снова посмотрел на меня.

— Я знаю, что ваша мать занималась изменёнными документами. Знаю, что после пожара часть материалов исчезла. Не знаю, кто устроил пожар.

— Вы были наследником.

— Да.

— У вас был доступ к расследованию.

— Ограниченный.

— Наследнику ограничивали доступ?

— Мой отец считал, что наследник должен учиться править, а не мешать людям, которые этим уже занимаются.

Я впервые услышала в его голосе нечто личное. Очень кратко.

— Почему расследование закрыли?

— Официально причиной пожара признали повреждение

старой системы отопления в архивном крыле.

Я невольно свела брови.

— Старый архив не отапливали ночью.

Король посмотрел на Кайра.

— Вот поэтому она нам нужна.

— Я говорил то же самое менее лестно, — ответил тот.

— Вы знали? — спросила я у Аларика.

— Что?

— Что ночью отопление отключали.

— Узнал позже.

— И ничего не сделали?

— Сделал.

— Что?

— Приказал повторно проверить материалы.

— И?

— Через два дня умер следователь.

В кабинете стало тише.

— Как?

— Несчастный случай.

Я вспомнила шесть имён.

— Он мужчина.

— Да.

— Значит, в список не попал.

— Именно.

Это расширяло происходящее неприятнее любой новой угрозы.

— Сколько людей вообще погибло вокруг этих документов?

Король некоторое время молчал.

— Мы не знаем.

Вот ответ, который мне совсем не хотелось слышать. Я повернулась к Кайру.

— Вы знали?

— О следователе — да.

— Почему не сказали?

— Потому что вы спросили о женщинах из списка.

— В следующий раз, когда окажется, что вокруг моего детства умерло ещё полдвора, пожалуйста, считайте это относящимся к теме.

— Учту.

Аларик положил ладонь на папку.

— Нам необходимо решить более срочную проблему.

— Мою жизнь?

— Именно.

— Наконец-то понятная тема.

Король поднялся и прошёл к окну.

— Тот, кто оставил письмо в спальне моей дочери, хотел, чтобы его увидели.

— Очевидно.

— Не обязательно. Если целью было просто передать вам предупреждение, существовали способы проще.

Я подумала.

— Он хотел свидетелей.

— Именно.

Кайр добавил:

— И реакцию.

— Чью?

— Всех нас.

Король кивнул.

— Письмо одновременно втянуло наследницу, канцлера и вас. Это не случайный выбор.

— Значит, автор наблюдает.

— Или рассчитывает наши действия.

Я посмотрела на свою папку.

— Что вы предлагаете? — Аларик повернулся.

— Дать ему то, чего он хочет.

Я подозрительно прищурилась.

— Это редко звучит как хорошая государственная стратегия.

— Зато иногда работает.

— Конкретнее?

Король посмотрел на Кайра. И впервые с момента входа я увидела, как канцлер действительно насторожился. Совсем немного. Но после ночи рядом с ним я уже умела замечать разницу.

— Нет, — сказал Кайр.

Король ещё ничего не произнёс. Я перевела взгляд с одного на другого.

— Любопытно.

— Ваше Величество, — продолжил Кайр, — если вы собираетесь предложить то, о чём я думаю, ответ нет.

— Особенно впечатляет, что я ещё не спросил.

— Вы смотрите слишком довольным.

— Иногда должность позволяет.

Я подняла руку. Оба мужчины посмотрели на меня.

— Простите, что вмешиваюсь в разговор, где один человек уже отказался от неизвестного мне предложения, но мне хотелось бы хотя бы услышать, чем именно планируют распорядиться без моего участия.

Король вернулся к столу.

— Вами.

— Очень обнадёживает.

— Вашим публичным положением.

— Уже хуже.

— Автор письма заинтересован в вас. Это очевидно.

— Да.

— Он или она знает о вашей связи с архивом, о матери, о прошлом канцлера и, вероятно, о событиях двадцатилетней давности.

— Согласна.

— До сегодняшнего дня вы были удобной целью. Архивистка, живущая обычной жизнью, не привлекающая внимания двора.

— Мне нравилась эта часть моей жизни.

— Боюсь, она закончилась.

С этим спорить было сложно.

— Поэтому, — продолжил Аларик, — вместо того чтобы прятать вас, мы сделаем обратное.

— Выставите на центральной площади?

— Почти.

Я повернулась к нему. Он молчал. И выражение его лица мне совсем не нравилось.

— Говорите уже.

Король сказал:

— Сегодня вечером двор узнает о вашей помолвке с Чёрным канцлером.

Несколько секунд я была совершенно уверена, что неправильно услышала. Потом вспомнила скрытую строку.

И что бы ни случилось — не становись его женой.

Я повернулась к Кайру. Он смотрел на короля.

— Нет.

На этот раз жёстче.

— Удивительно, — сказала я. — Впервые за ночь мы полностью согласны.

Аларик будто ожидал именно такой реакции.

— Это фиктивная помолвка.

— Мне всё равно, насколько она фиктивная.

— Свадьбы не будет.

— Особенно рада.

— Лиара, — начал Кайр.

— Не надо сейчас становиться разумным. Мне удобнее, когда вы тоже против.

Он посмотрел на короля.

— Это подвергнет её ещё большему риску.

— Именно.

Я повернулась.

— Простите? — Аларик даже не попытался смягчить формулировку.

— Если неизвестный рассчитывает на определённое развитие событий, резкое изменение вашего статуса заставит его действовать.

— То есть я приманка.

— Да.

Кайр шагнул к столу.

— Нет.

— Ты уже это говорил.

— Повторю, пока не станет понятно.

— Мне понятно. Я не согласен.

— Тогда найдите другую приманку, — сказала я.

Оба посмотрели на меня.

— Что?

— Вы обсуждаете мою безопасность так, словно меня в кабинете нет. Если идея заключается в том, чтобы намеренно привлечь автора писем, тогда решение принимаю я.

Король кивнул.

— Согласен.

Кайр повернулся ко мне.

— Не соглашайтесь.

Это было настолько неожиданно, что моя готовая отповедь исчезла.

— Почему?

— Потому что это плохой план.

— Король считает иначе.

— Король не обязан танцевать с вами перед половиной столицы.

— Наконец-то настоящий недостаток.

Аларик почти улыбнулся. Кайр не поддержал.

— Автор уже использовал мой почерк, — продолжила я.

— Вашу подпись. Имя моей матери. Знак старых архивистов. Он знает, что мы встретились.

— Скорее всего.

— Значит, отступить в гостевую комнату и ждать следующего письма тоже не особенно блестящая стратегия.

— Есть другие способы расследовать.

— Какие? — Он замолчал. Я заметила.

— Вот именно.

— То, что я не перечисляю их при короле, не означает, что их нет.

Аларик спокойно сел.

— Я всё ещё здесь.

— Я заметил.

Я переводила взгляд между ними. Что-то в отказе Кайра

было неправильным. Не само несогласие. Оно как раз выглядело разумным. Но он слишком быстро понял предложение. Слишком быстро отказался. Ещё до того, как король произнёс слово «помолвка».

— Вы знали, что он это предложит, — сказала я.

Кайр перевёл взгляд на меня.

— Предполагал.

— Почему именно помолвку?

— Потому что это самый очевидный способ связать нас публично.

— Самый очевидный?

— После сегодняшнего письма — да.

— Нет.

Я встала.

— Автор скрытого текста предупреждает меня не становиться вашей женой. Никто, кроме нас, об этой строке не знает.

Аларик нахмурился.

— О какой строке?

Вот теперь Кайр повернулся ко мне с выражением чело- века, который отлично понимает: назад уже ничего не вернуть. Я рассказала. Не всё. Но скрывать фразу перед королём после его предложения стало бессмысленно. Аларик выслушал, затем медленно повернулся к канцлеру.

— И ты всё равно не сообщил?

— Информация была получена меньше двух часов назад

и не проверена.

— Она касается меня.

— Именно поэтому.

В кабинете на несколько секунд стало слишком тесно для трёх людей. Я вмещалась:

— Теперь вы понимаете, почему его реакция мне не нравится?

Король откинулся в кресле.

— Напротив. Теперь план нравится мне ещё больше.

— Ваша способность находить достоинства в чужих угрозах почти восхищает.

— Если автор предупреждает вас против брака с Кайром, значит, мысль о вашем союзе для него важна.

— Или она важна только для меня в будущем.

— Вы действительно считаете, что письмо написали вы сами?

— Я считаю, что почерк мой. Всё остальное пока предположения.

Кайр сказал:

— Именно поэтому превращать предупреждение в публичное событие без понимания последствий нельзя.

— Почему вы так боитесь этой помолвки? — спросила я.

Он задержал на мне взгляд.

— Я не боюсь.

— Вы отказались раньше меня.

— Потому что предложение глупое.

— Вы не знали формулировки, но уже знали, что будете против.

— Я знал короля.

— Недостаточно.

— Лиара...

— Что произойдёт, если двор считает нас женихом и невестой?

— Начнутся слухи.

— Они и без нас справляются.

— Вы окажетесь под постоянным наблюдением.

— Уже нахожусь.

— Каждый ваш шаг станут обсуждать.

— Неприятно, но не смертельно.

— Люди, которые сейчас не интересуются вами, начнут изучать ваше прошлое.

— Возможно, среди них окажется нужный человек.

— Именно.

— Это аргумент за план.

Он умолк. И тогда я поняла, что спор идёт не о риске. По крайней мере, не только о нём.

— Есть что-то ещё.

— Нет.

Ложь. Не по дару. По паузе. По тому, как человек, который всю ночь отвечал достаточно точно, вдруг выбрал самое короткое отрицание. Я медленно села обратно.

— Тогда я согласна.

Кайр нахмурился.

— Что? — Король не скрывал удовлетворения.

— Разумное решение.

— Не уверена. Но теперь мне очень хочется понять, почему канцлер настолько против.

— Это худшая причина согласиться на фиктивную по-молвку, которую я слышал, — сказал Кайр.

— У вас большой опыт?

— Нет.

— Тогда сравнивать не с чем.

Он повернулся ко мне так, будто всерьёз размышлял, можно ли отменить королевское решение силой собственно-го раздражения.

— Лиара, если вы хотите получить от меня информацию, спросите.

— Я спрашивала.

— И я ответил.

— Неполно.

— Это не одно и то же, что ложь.

— Пока.

Король поднялся.

— Решено.

— Нет, — одновременно сказали мы с Кайром.

Я повернулась к нему. Он — ко мне.

— Я согласилась только на ловушку, — пояснила я коро-лю. — Не на то, чтобы вы решали всё остальное.

— Что именно вы хотите решить?

— Срок. Условия. Что происходит публично и что остаётся между нами. Кто имеет доступ к моим покоям. Кто знает, что помолвка фиктивная. И главное — никакого настоящего свадебного договора.

Кайр впервые за весь разговор посмотрел на меня почти одобрительно.

— Добавьте ещё одно условие.

— Какое?

— Никаких документов о помолвке, кроме публичного объявления.

Я повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что любой официальный договор попадёт в государственные реестры.

Это звучало разумно. Слишком разумно.

— И?

— И человек, который уже вмешивается в документы, получит ещё один инструмент.

Версия была хорошая. Но почему-то я не поверила, что она полная.

— Принимается, — сказал король.

— Кто знает правду? — спросила я.

— Мы трое. Мирель. Рован.

Кайр добавил:

— Не больше.

— А слуги?

— Они увидят то же, что и остальные.

— Как долго длится спектакль?

Король ответил:

— Пока автор письма не проявит себя.

— Это может занять месяц.

— Может.

— Год.

— Нет, — сказал Кайр.

Я снова посмотрела на него.

— Снова?

— Если за месяц ничего не изменится, мы прекращаем.

— Почему месяц?

— Потому что дольше двор начнёт требовать дату свадьбы.

Аларик задумался.

— Тридцать дней.

— Хорошо, — сказала я.

— Плохо, — сказал Кайр.

— Вы уже проиграли голосование.

— Нас трое.

— Король за. Я за. Вы против.

— Король не считается.

Аларик поднял бровь.

— Запомню.

* * *

К девяти утра половина дворца знала, что Чёрный канцлер собирается жениться. К полудню вторая половина знала, что невеста беременна, является тайной княжной, шантажировала канцлера государственными документами и однажды ударила его подсвечником. Последняя версия понравилась мне больше остальных.

— Почему подсвечником? — спросила я у Мирель.

Она сидела перед моим зеркалом и наблюдала, как две её камеристки пытаются сделать из архивистки женщину, способную без смеха появиться рядом с Чёрным канцлером на вечернем приёме.

— Видимо, нож кажется слишком банальным.

— А почему я вообще его ударила?

— За отказ жениться.

— Великолепно. Уже почти правда, только наоборот.

Мирель рассмеялась. После встречи с королём мне позволили поспать несколько часов в гостевых покоях восточного крыла. Рован выставил у двери двух караульных, ещё одного разместил в конце коридора, после чего лично проверил окно, балкон и даже шкаф. Я спросила, не ожидает ли он убийцу среди платьев.

Он ответил, что после сегодняшней ночи перестал считать некоторые вопросы нелепыми. Когда я проснулась, меня ожидала одежда, выбранная Мирель. Я посмотрела на тёмно-зелёное платье.

— Если это ловушка, почему я не могу надеть своё?

— Потому что в вашем рабочем платье никто не поверит, что Кайр потерял голову.

— А в этом поверят?

— Нет. Но начнут обсуждать.

— Тонкое различие.

— На нём существует половина придворной жизни.

Камеристка закончила поправлять волосы и отошла. Я посмотрела на отражение. Мне всё ещё казалось, что перед зеркалом сидит кто-то, кому случайно выдали моё лицо и значительно более дорогое платье.

— Я не умею быть невестой канцлера.

— Прекрасно, — сказала Мирель. — Кайр тоже не умеет быть женихом.

— Это успокаивает.

— Главное — не пытайтесь играть влюблённую женщину.

Я повернулась.

— Простите?

— Двор мгновенно заметит фальшь.

— Тогда как изображать помолвку?

— Будьте собой.

— Собой я подозреваю его в сокрытии информации и иногда хочу встряхнуть ответы.

— Именно. Половина двора назовёт это страстью.

Я не нашла достойного ответа. Мирель поднялась.

— Он ждёт в соседней комнате.

— Кто? — Она повернулась ко мне.

— Нет, Лиара. За последние шесть часов у вас не появилось второго жениха.

Кайр действительно ждал. Он переоделся, хотя я не сразу поняла, что именно изменилось. Тот же тёмный цвет, та же сдержанность, но одежда была парадной, а на воротнике появился знак канцлера, который при ночном разговоре казался почти незаметным. Сейчас его невозможно было не увидеть.

— Вы опоздали на три минуты, — сказал он.

— Отменяйте помолвку.

— Предлагал.

— Уже начинаю сожалеть, что не поддержала.

Мирель прошла мимо нас.

— Постарайтесь не расторгнуть всё до объявления.

— Ничего не обещаю, — сказала я.

Кайр дождался, пока дверь закроется.

— Нам нужно договориться.

— Мы это уже делали.

— О публичном поведении.

— Я думала, мне следует быть собой.

— Это совет Мирель?

— Да.

— Тогда нам действительно нужно договориться.

Он протянул руку. Я посмотрела внимательнее.

— Что?

— Через двадцать минут мы войдём в зал вместе.

— Я умею ходить самостоятельно.

— Именно это меня беспокоит.

— Вы переживаете, что я убегу?

— Что вы пойдёте на три шага впереди и станете выглядеть как человек, которого ведут на допрос.

— А разве нет?

— На допросах обычно меньше музыки.

Я положила ладонь на его руку. Ничего особенного не произошло. И это почему-то обрадовало. Не вспышка. Не странное притяжение. Просто тёплая человеческая ладонь и мужчина, которому я не доверяла. Так было значительно понятнее.

— Ближе, — сказал он.

— Простите?

— Если мы идём как люди, собирающиеся пожениться, между нами не должно помещаться два секретаря и дипломатическая делегация.

Я сделала полшага.

— Достаточно?

— Теперь только один секретарь.

— Пусть худеет.

Он закрыл глаза на секунду.

— Вы получаете удовольствие?

— Немного.

— Я заметил.

Мы вышли в коридор. Первые слуги, мимо которых мы

прошли, поклонились слишком низко и слишком поздно подняли головы. Слухи уже работали.

— На нас смотрят, — сказала я тихо.

— Это цель.

— Напомните мне, почему мы добровольно согласились на это.

— Вы согласились назло мне.

— А вы не соглашались вообще.

— Именно.

— Тем интереснее.

Он повернул голову.

— Вы всё ещё считаете, что мой отказ что-то скрывает.

— Уверена.

— Ошибаетесь.

— Возможно.

— И вас это не беспокоит?

— Ошибки меня беспокоят только после проверки.

— Архивистка.

— Канцлер.

Мы дошли до дверей Большой галереи. Музыка была слышна ещё из коридора. Я остановилась. Кайр тоже.

— Последняя возможность отказаться? — спросила я.

— Да.

В его голосе не было иронии. Я посмотрела на него.

— Вы серьёзно.

— Полностью.

— Даже после решения короля?

— Если вы скажете, что передумали, объявление не состоится.

— И что вы скажете Аларику?

— Что вы передумали.

— Он разозлится.

— Переживёт.

Вот оно. Никакого приказа. Никакого давления. Я могла выйти. И именно поэтому решила остаться.

— Нет, — сказала я. — Делаем.

Кайр кивнул.

— Тогда ещё одно.

— Что?

— После объявления вас попытаются спровоцировать.

— Кто?

— Почти все.

— Зачем?

— Чтобы понять, настоящая ли помолвка.

— Что мне делать?

— Не объяснять.

— И всё?

— Люди редко верят тому, что им объясняют слишком подробно.

— Впервые за сегодня полезный совет.

— Запомню дату.

Двери открылись.

Я никогда раньше не понимала, как много людей способно одновременно делать вид, будто совершенно не смотрит в одну точку. Когда мы вошли в галерею, разговоры не прекратились. Они просто стали другими. Громче там, где нужно было показать безразличие. Тише там, где любопытство оказалось сильнее воспитания.

Я видела лица, которые знала по газетным портретам и официальным документам. Советники, судьи, представители старых семей, послы, чиновники высших палат. И среди них — Марек Восс. Я узнала его только потому, что Кайр заранее показал мне.

Хранитель королевской печати выглядел совершенно не так, как должен был выглядеть человек, чья должность оказалась связана с последними словами моей матери. Невысокий. Аккуратный. Лет тридцати пяти. Светлые волосы. Незаметное лицо. Если бы мне пришлось выбрать человека, которого меньше всего запомнишь после приёма, я бы указала на него. Он поклонился канцлеру. Потом мне.

Его взгляд задержался ровно настолько, насколько позволяла вежливость. Ни удивления. Ни узнавания. Ни тревоги.

— Это он? — спросила я, не поворачивая головы.

— Да.

— Очень впечатляет.

— Марек десятилетиями строит карьеру на том, чтобы не впечатлять.

— Ему тридцать пять.

— Я говорил образно.

— Опасная привычка для человека, работающего с законами.

Мы приблизились к королю. Аларик разговаривал с пожилым послом, но завершил беседу, как только увидел нас. Музыка стихла не сразу. Сначала один музыкант заметил движение короля. Потом другой. И лишь через несколько секунд зал оказался достаточно тихим. Аларик не любил длинных речей. За это я почти была готова его простить.

— Сегодня я намерен сообщить двору приятную новость,
— сказал он.

Кайр рядом со мной едва заметно напряг руку.

— Мой канцлер Кайр Эстель сообщил мне о намерении вступить в брак.

В зале появилась та особая тишина, когда молчат только потому, что хотят услышать каждое следующее слово. Я улыbnулась. Не счастливо. Просто достаточно, чтобы никто не решил, будто меня привели силой.

— Его избранницей стала госпожа Лиара Вейн, переводчица Королевского архива.

Теперь люди перестали даже притворяться. Все смотрели на меня. Если неизвестный автор письма присутствовал здесь, он тоже смотрел. Эта мысль оказалась полезнее любого урока придворной выдержки. Я медленно оглядела зал. Кто-то улыbnался. Кто-то шептал. Одна женщина у колонны

выглядела так, словно я лично украла у неё фамильное серебро.

Марек Восс продолжал сохранять приятное нейтральное выражение.

— Дата церемонии будет объявлена позже, — завершил король. — А сегодня я предлагаю поздравить будущих супругов.

Аплодисменты начались почти сразу. Будущих супругов. Я почувствовала, как пальцы Кайра едва заметно изменили положение под моей ладонью.

— Вы слышали? — прошептала я. — Уже супруги.

— Через час у нас будет трое детей и семейное поместье.

— Поместье оставьте себе.

— Справедливо.

Первой к нам подошла Мирель. Она улыбалась безупречно.

— Поздравляю.

— Вы ужасный человек, — сказала я достаточно тихо.

— Спасибо.

Она обняла меня, чем вызвала новую волну взглядов.

— Теперь все поверили, что мы близки, — прошептала она.

— Мы знакомы меньше суток.

— Во дворце это почти дружба.

Следующие двадцать минут превратились в череду лиц и поздравлений. Я почти не запоминала имён. Кайр запоминал

за меня. Иногда он предупреждал шёпотом:

— Советник финансов. Не обсуждайте архивные фонды.

Или:

— Графиня Арвель. Задаст вопрос о свадьбе через три реплики.

Графиня спросила через две.

— Госпожа Вейн, — произнесла она с улыбкой, которую явно отработывала дольше, чем я собственную подпись, — как неожиданно. Когда же счастливый день?

— Мы ещё обсуждаем.

— Ах, мужчины всегда откладывают.

Я перевела взгляд на Кайра.

— Этот особенно.

Графиня рассмеялась. Кайр спокойно добавил:

— Госпожа Вейн намерена удостовериться, что я соответствую требованиям.

— Каким же?

Я ответила раньше него:

— Пока список слишком длинный.

Графиня ушла довольная.

— Вы слишком быстро осваиваетесь, — сказал Кайр.

— Я девять лет работаю с людьми, которые пытаются скрыть смысл документа за тридцатью страницами вежливых формулировок. Двор пока проще.

— Не говорите этого вслух.

— Почему?

— Они воспримут как вызов.

Музыка снова заиграла. Я уже собиралась спросить, сколько ещё необходимо выдержать, когда король сделал знак распорядителю. Тот объявил первый танец. Я повернулась к Кайру.

— Нет.

— Да.

— В условиях этого не было.

— Было подразумеваемо.

— Я архивист. У нас ничего не подразумевается. Всё записывается.

— Добавлю приложение.

Он протянул руку. Я посмотрела на танцующих, которые начали освобождать центр зала.

— Я давно не танцевала.

— Я тоже.

— Очень успокаивает.

— Лиара.

— Что?

— Половина двора сейчас ждёт, что вы откажетесь.

Я посмотрела вокруг. Действительно.

— Тогда нельзя доставлять им удовольствие.

— Наконец-то правильная мотивация.

Я вложила ладонь в его руку. На этот раз расстояние исчезло быстрее. Так требовал танец. Одна его ладонь оказалась у меня на спине, моя — на его плече.

— Если наступлю вам на ногу, — сказала я, — это будет выглядеть как семейная сцена.

— Главное — улыбайтесь.

— Вы требуете невозможного.

— Представьте графиню Арвель.

Я рассмеялась. К сожалению, именно в этот момент музыки началась. И десятки людей решили, что Чёрный канцлер умеет смешить невесту.

— Вы сделали это специально, — прошептала я.

— Не могу доказать.

— Ненавижу, когда вы учитесь у меня.

Он вёл хорошо. Разумеется. Люди вроде Кайра почему-то всегда умели всё, что позволяло им сохранять достоинство на государственных мероприятиях. Я же через несколько шагов поняла, что тело помнит движения значительно лучше, чем голова.

— Смотреть на меня, — сказал он тихо.

— Зачем?

— Вы всё время ищите подозреваемых.

— Потому что они вокруг.

— Для двора вы сейчас должны интересоваться мной.

— Это сложнее.

— Постарайтесь.

Я посмотрела. На близком расстоянии Кайр выглядел немного иначе. Не моложе, не мягче — просто менее похожим на должность. Возле правой брови был едва заметный

старый шрам, который портретисты неизменно убирали.

— Что?

— Ничего.

— Вы изучаете моё лицо.

— Пытаюсь понять, почему неизвестный запрещает мне за вас выходить.

Ритм танца не изменился. Но ладонь у меня на спине стала чуть неподвижнее.

— Прекрасная тема для первого танца.

— У вас есть лучшая?

— Погода.

— Нам запретили начинать книгу с погоды.

— Что? — Я едва не сбилась.

— Ничего.

Он подозрительно посмотрел на меня. Я продолжила:

— Вы всё ещё не объяснили.

— Что именно?

— Почему сразу отказались.

— Объяснил.

— Нет. Вы дали пять разумных причин. Именно поэтому я уверена, что главную не назвали.

— Такая логика способна разрушить любую беседу.

— Я архивист. Мы существуем ради разрушения удобных версий.

Мы повернулись. Зал медленно вращался вокруг нас. Я заметила Марека у колонны. Он не разговаривал. Смотрел

не на меня. На Кайра.

— Марек наблюдает за вами.

— Весь двор наблюдает.

— Нет. Он не смотрит на нас как на пару.

— А как?

— Пока не знаю.

Кайр не повернул головы.

— Не проверяйте сейчас.

— Почему?

— Потому что вы выдадите, что заметили.

Разумно. Я снова сосредоточилась на нём.

— Вы мне не доверяете.

— Нет.

Честность ответа почти сбила меня сильнее сложного шага.

— Быстро.

— Вы хотели правду.

— Почему?

— Ваш почерк появляется там, где вас не было. Ваша подпись стоит на документе, которого вы не подписывали. Ваша мать оставила вам предмет, который мы ищем двадцать один год, но вы его не помните. Теперь появляется письмо, словно написанное вами самой.

— И вы считаете, что я могу лгать.

— Считаю, что не имею права исключать вариант.

Это было неприятно. И абсолютно справедливо.

— Хорошо.

Он чуть приподнял бровь.

— Всё?

— А что вы ожидали?

— Спора.

— Вы правы. На вашем месте я бы тоже себе не доверяла.

— Это худшее утешение, которое я получал.

— Не привыкайте.

— А вы мне? — спросил он.

— Что?

— Доверяете?

— Нет.

— Почему? — Я почти улыбнулась.

— Серьёзно?

— Хочу услышать формулировку.

— Вы двадцать один год хранили тайну моей матери. Девять лет знали обо мне. Сегодня я обнаружила вашу настоящую подпись под списком пяти погибших женщин, одной пропавшей без вести и собственного имени. Вы постоянно сообщаете правду порциями, которые считаете удобными. А ещё какая-то версия меня самой советует мне вам не доверять.

— Убедительно.

— Спасибо.

— Но вы согласились изображать мою невесту.

— Потому что хочу видеть, кого это напугает.

— И если напугает меня? — Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Особенно интересно.

Музыка закончилась. Аплодисменты прозвучали слишком громко. Кайр отпустил меня не сразу — ровно настолько, насколько требовало впечатление. Потом наклонился, будто собирался сказать что-то особенно нежное.

— Через пять минут выйдите в боковую галерею.

— Зачем?

— Здесь слишком много ушей.

— Романтично.

— Стараюсь соответствовать слухам.

* * *

В боковой галерее оказалось пусто. Почти. У дальней двери стоял стражник Рована, который сделал вид, будто не замечает нас. Кайр закрыл дверь в зал. Музыка стала тише.

— Что произошло? — спросила я.

— Пока ничего.

— Тогда зачем мы здесь?

— Посмотреть, кто выйдет следом.

Я повернулась к двери.

— Мы приманка.

— Вы хотели участвовать.

— Я не жалею. Просто уточняю терминологию.

Мы ждали. Через минуту вышла пожилая женщина. Увидела нас. Улыбнулась. Извинилась и вернулась. Через две —

молодой чиновник, который якобы искал уборную. Через четыре — Марек Восс. Он остановился. Очень естественно. Слишком естественно, если считать подозрительность профессией.

— Господин канцлер.

— Марек.

Его взгляд перешёл ко мне.

— Госпожа Вейн. Позвольте поздравить лично.

— Благодарю.

— Неожиданная новость.

— Для меня тоже.

Кайр бросил на меня короткий взгляд. Марек улыбнулся.

— Лучшие события иногда происходят именно так.

— Вы давно знаете канцлера? — спросила я.

— Достаточно, чтобы удивиться.

— Чему?

— Его решению жениться.

Кайр спокойно сказал:

— Моя личная жизнь неожиданно стала государственной темой.

— Любое ваше решение становится государственной темой.

— Сочувствую всем присутствующим.

Марек снова посмотрел на меня.

— Вы продолжите работу в архиве?

Вот первый действительно интересный вопрос.

— Почему нет?

— Просто предположил, что после свадьбы ваши обязанности изменятся.

— Какие обязанности появляются у жены канцлера?

— Надеюсь, господин Эстель успеет вам объяснить.

— Я тоже.

Кайр вмешался:

— Лиара продолжит работу.

Марек кивнул.

— Рад слышать.

Он прошёл дальше. Я дождалась, пока дверь закроется.

— Он спросил про архив раньше свадьбы.

— Да.

— Почему?

— Потому что это очевидная тема.

— Или потому что ему важно, останусь ли я там.

— И это возможно.

— Вы опять не хотите выбирать версию.

— Без доказательств — нет.

Я прислонилась к стене.

— Иногда это раздражает.

— Зато живые люди реже становятся преступниками только потому, что вам не понравился их вопрос.

— Я не сказала, что он преступник.

— Но уже мысленно примерили.

— Только рукав.

— Прогресс.

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Он не удивился моему имени.

— Сегодня его слышал весь двор.

— Не сейчас. Когда король объявил. Он удивился помолвке, но не мне.

— Вы ожидали другого?

— Если хранитель печати как-то связан с событиями двадцатиоднолетней давности, он мог знать фамилию.

— Марек тогда был подростком.

— Но должность существовала.

— Верно.

— Нужно проверить его предшественника.

— Уже поручил Ровану.

— Когда?

— Пока вы выбирали платье.

— Я не выбирала.

— Тогда пока платье выбирало вас.

— Вам действительно не идёт юмор.

— Вы говорили.

Мы помолчали. Потом я спросила:

— Что будет после приёма?

— Вас проводят в гостевые покои.

— Одну?

— С охраной.

— А вы?

— Работа.

— Удобно быть женихом.

— Вы ещё можете отказаться.

— Уже поздно. У нас официальные аплодисменты.

Его внимание вернулось ко мне.

— Лиара.

Тон изменился. Не значительно. Но достаточно, чтобы я перестала шутить.

— Что?

— Если получите ещё одно письмо, не касайтесь его сразу.

— Почему?

— Потому что автор рассчитывает на ваш дар.

— Именно поэтому мне нужно касаться.

— Сначала зовёте меня или Рована.

— Вы не мой начальник.

— Нет.

— И не настоящий жених.

— Особенно нет.

— Тогда это просьба?

— Да.

Это прозвучало неожиданно.

— Хорошо.

Он явно не ожидал, что я соглашусь так быстро.

— Хорошо?

— Если письмо появится, позову.

— Спасибо.

— Не привыкайте.

Мы вернулись в зал.

* * *

К полуночи я поняла две вещи. Во-первых, придворные способны поздравлять одну и ту же женщину бесконечно, если считают, что через неё когда-нибудь можно будет добраться до канцлера. Во-вторых, фиктивная помолвка утомляет не меньше настоящей работы. Когда Рован наконец позволил мне уйти, я была готова считать гостевую комнату лучшим местом во дворце.

У двери стояли двое караульных. Рован лично проверил коридор.

— Окно заперто изнутри, — сказал он. — Балкон просматривается с нижнего поста. Дверь не останется без охраны ни на минуту.

— Я запомнила.

— Если что-то заметите...

— Сначала позову вас или канцлера.

Он повернулся ко мне с лёгким удивлением.

— Уже договорились?

— К сожалению, иногда он говорит разумные вещи.

— Никогда не повторю ему эту фразу.

— Я тоже.

Рован пожелал спокойной ночи. Я вошла. Заперла дверь. Проверила защёлку. Не потому, что не доверяла стражникам. Потому что после прошлого письма доверие к дверям

стало понятием скорее философским. Комната оставалась такой, какой я её покинула утром. Платье, в котором меня привезли из архива, аккуратно сложили на кресле. Рабочая сумка стояла на столе.

На подоконнике ничего. Возле кровати ничего. На письменном столе — чистая бумага, перо, свечи. Я подошла к окну. Балкон пуст. Внизу действительно виден караульный. Хорошо. Потом проверила шкаф. И только после этого позволила себе почувствовать глупость.

— Прекрасно, Вейн. Ещё одна ночь, и начнёшь допрашивать занавески.

Я сняла серьги, которые Мирель настояла добавить к образу «влюблённой женщины», и положила на стол. Там же лежала небольшая карточка с расписанием завтрашних встреч. Завтрак. Архив. Закрытый фонд. Разговор с Рованом. Ещё одна строка была добавлена другим почерком:

Урок придворного этикета — отменён по просьбе канцлера. Причина: «бесполезно».

Я фыркнула. Это действительно мог написать Кайр. И именно поэтому я сначала не заметила конверт. Он лежал под карточкой. Белый. Небольшой. Совершенно обычный. Я перестала улыбаться. Несколько секунд просто смотрела. Конверта здесь не было утром. Я была уверена. Более того, когда вечером вернулась переодеться перед приёмом, карточка лежала одна.

Я не коснулась бумаги. Обещала. Подошла к двери и от-

крыла. Двое стражников одновременно повернулись.

— Позовите Рована.

Один сразу ушёл.

— И канцлера, — добавила я.

Стражник кивнул и передал распоряжение дальше. Я вернулась к столу, но осталась в нескольких шагах. Конверт не двигался. Не светился. Не делал ничего особенно впечатляющего. Просто лежал там, где его быть не должно. Рован пришёл первым.

— Что произошло? — Я молча указала. Он не вошёл сразу. Осмотрел дверь.

— Никто не заходил?

— Я только что пришла.

— Слуги?

— После того как вы проверили комнату?

— Никого.

— Тогда объясните это.

— Пока не могу.

Он велел одному стражнику перекрыть коридор. Через несколько минут появился Кайр. Без парадного знака канцлера, но всё ещё в той же одежде.

— Вы не коснулись?

— Нет.

— Спасибо.

— Не делайте из этого событие.

— Не буду.

Рован подошёл к столу.

— Конверт адресован?

— Не знаю.

Кайр обошёл его сбоку. На лицевой стороне действительно ничего не было.

— Окно?

— Заперто, — сказал Рован.

— Балкон?

— Под наблюдением.

— Соседние комнаты?

— Пусты.

— Потолок? — Я встретила его взгляд.

— Если сейчас выяснится, что во дворце есть тайный ход через потолок, я увольняюсь.

— Из дворца?

— Из реальности.

Рован не улыбнулся. Он изучал стол.

— Карточку кто оставил?

— Камеристка Мирель утром. Потом кто-то добавил запись про урок.

Кайр посмотрел на строчку.

— Не я.

Я повернулась.

— Что?

— Я не отменял урок.

Рован взял карточку за край.

— Чей почерк?

— Не знаю, — сказал Кайр.

У меня появилось неприятное ощущение.

— А содержание?

— Я действительно считал урок бесполезным.

— Поэтому кто-то знал, что вы так считаете.

— Или просто удачно угадал.

Я посмотрела на конверт.

— Открываем? — Рован достал тонкие щипцы.

— Сначала я.

— Если внутри текст, мне всё равно придётся касаться.

— После осмотра.

Он осторожно поднял конверт. Под ним ничего не оказалось. Печати не было. Клапан держался сам по себе, без воска. Рован открыл. Внутри лежал один лист. Он развернул его на столе. Пять строк. Нет. Одна строка. Крупно. Я прочитала с расстояния.

Спроси своего жениха, что находится в комнате №17. Он солжёт.

Я медленно подняла взгляд на Кайра. Он уже прочитал. И впервые с момента нашей встречи я увидела не просто осторожность. Узнавание. Очень короткое. Но настоящее.

— Что находится в комнате семнадцать? — спросила я.

Кайр посмотрел на письмо. Потом на меня. И ответил:

— Ничего.

Глава 3. Комната семнадцать

— Ничего.

Кайр произнёс это так спокойно, что на месте менее подозрительного человека я, возможно, решила бы: вопрос действительно бессмысленный. Но письмо лежало между нами, дверь за спиной охраняли люди Рована, а человек, которому неизвестный автор обещал ложь, только что слишком быстро выбрал единственное слово, не оставляющее пространства для уточнений.

Я снова посмотрела на него.

— Ничего?

— Да.

— В комнате номер семнадцать ничего нет?

— Я сказал именно это.

— Вы даже не спросили, о какой комнате речь.

На лице Кайра не изменилось почти ничего. Почти. Его взгляд на мгновение переместился с меня на письмо, а затем вернулся.

— Во дворце множество комнат.

— Прекрасно. Тогда почему вы решили, что знаете, о какой именно я спрашиваю?

Рован, стоявший справа от стола, медленно перевёл взгляд на канцлера. Кайр ответил не сразу.

— Потому что письмо адресовано вам после сегодняш-

ней помолвки. Автор рассчитывает, что вы зададите вопрос мне. Следовательно, речь идёт о помещении, которое должно быть мне известно.

— Это логика. Не ответ.

— Иногда это одно и то же.

— Только для человека, который хочет закончить разговор.

Я приблизилась к столу. Письмо было разложено на чистой ткани, которую принёс Рован. Мы не знали, как оно попало в комнату, поэтому теперь каждый предмет выглядел подозрительно, включая собственную карточку с расписанием. На ней кто-то оставил фальшивую запись от имени Кайра. На письме — фразу о комнате семнадцать.

Слишком много неизвестных людей внезапно заинтересовались моим расписанием.

— Госпожа Вейн, — произнёс Рован, — пока мы не установили, как письмо оказалось здесь, разумнее покинуть комнату.

— Через минуту.

— Лиара.

Я повернулась к Кайру.

— Что?

— Рован прав.

— Тогда ответьте нормально, и я уйду.

— Я ответил.

— Нет. Вы произнесли слово.

Рован шумно выдохнул, но вмешиваться не стал. Я снова посмотрела на строку.

Спроси своего жениха, что находится в комнате №17. Он солжёт.

Автор не написал: «Кайр знает». Не написал: «Кайр скроет». Именно солжёт. Это могло быть попыткой заранее настроить меня против него. Могло быть частью ловушки. Могло вообще не иметь отношения к реальности. Поэтому верить письму было бы столь же глуп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.